

Иоанн Корнаракис

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН

**В СРАВНЕНИИ
СО СВЯТООТЕЧЕСКИМ
ЧЕЛОВЕКОМ**

**перевод
с греческого**

УДК 159.923.32:271.2
ББК 86.372
И 75

*Рекомендовано к печати рецензионной комиссией
Украинской Православной Церкви
ВВ 01-16-08-23*

Иоанн Корнаракис

Фантастический христианин в сравнении со свято-отеческим человеком / Перевод с греческого и примечания архимандрита Симеона (Гагатика). — Ахтырский Свято-Троицкий монастырь, 2018. — 160 стр.

Мы думаем о себе, что мы христиане. Насколько соответствует истине то, что мы о себе думаем? Кого можно назвать подлинным христианином, а кого — фантастическим, существующим только лишь в нашем воображении? Эта книга посвящена познанию человеком самого себя. В этом самопознании, впервые в православном богословии, автор ставит на службу святоотеческой аскетике достижения глубинной психологии XX века. Книга учит важнейшему для всякого сознательного христианина делу: отделять в самом себе правду от самообмана.

© Архимандрит Симеон (Гагатик), 2016

Художественное оформление: *Алексей Чекаль*

Корректор: *Людмила Панкратова*

Перевод выполнен по изданию:

Ἰωάννου Κων. Κορναράκη. Ὁ κατὰ φαντασία Χριστιανὸς κάτω ἀπὸ τὸ φῶς τῆς εἰκόνας τοῦ πατερικοῦ ἀνθρώπου. Ἔνα πρόβλημα φαντασιακῆς χριστιανικῆς αὐτοκριτικῆς. Ἐρὰ Μονῆ Παντοκράτορος Σωτήρος Χριστοῦ Κερκύρας, Ἀθήνα, 2011.

По вопросам приобретения книги просим обращаться по адресу: ahtyrkniga@gmail.com

Тел.: +38 05446 33 887, +38 093 370 75 01 (Украина)

Все средства, полученные от продажи этой книги, пойдут на восстановление Ахтырского Свято-Троицкого монастыря. Подробную информацию см. на сайте обители: www.ahtyr.org

Многие по видимости праведные
считают себя христианами.
Преподобный Макарий Египетский
Беседа 38, 1

Будем внимать себе, чтобы,
думая идти узким и тесным путем,
в самом деле не блуждать
по пространному и широкому.
Преподобный Иоанн Синайский
Лествица, 2, 8

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

«**П**режде всего познай самого себя, то есть узнай о самом себе, каков ты есть. Каков ты воистину, а не каков ты думаешь, что ты есть. С этим знанием становишься мудрее всех людей. С таким познанием себя и в смирение приходишь, и благодать получаешь от Господа. Если же не приобретешь самопознания, а рассчитываешь только на свой труд, знай, что всегда будешь находиться вдали от пути»¹.

Эти слова принадлежат великому святому XX века, Старцу Иосифу Исихасту. Всё мирское образование Старца состояло из двух или трех классов начальной школы. Но его мысль об абсолютной необходимости самопознания полностью совпадает с основной мыслью данной книги, написанной профессором богословского факультета Афинского университета. Впрочем, это ведь изначальная мысль греческого любознателя².

¹ *Старец Иосиф Исихаст. Полное собрание творений.* М., Ахтырка, 2015. С. 33.

² «“Познай самого себя” — изречение, высеченное на колонне при входе в храм Аполлона в Дельфах в качестве призыва к каждому входящему со стороны бога Аполлона. По преданию (см., напр., у Платона — Протагор 343 а8–b3), было принесено

Примечательно, что мысль эта очень созвучна с тем, что Бог повелел Моисею: *внемли себе*¹. Эта библейская заповедь обращена ко всем людям, как подчеркнул святитель Василий Великий в своей беседе, посвященной истолкованию этого повеления Божия².

Данная книга — это краткое руководство для исполнения этой заповеди самопознания. Кто я на самом деле? Подлинный ли я христианин? Или, может быть, я только думаю о себе, что я христианин? Если я оказываюсь христианином только в своей фантазии о себе, тогда я не настоящий, а *фантастический* христианин, выдуманный, существующий только в моем воображении. Эта книга показывает, как и почему человек впадает в самообман фантастического христианства. Но одновременно книга указывает и на главный ориентир на пути к подлинному христианству. Для обозначения этого ориентира автор вводит понятие «святоотеческий человек». Образ этого человека

в дар Аполлону “ семью мудрецами ” (автором его в античных источниках чаще всего называется Хилон из Лакедемона, реже — Фалес или др. “ мудрецы ”). Другое предание приписывало его мифической жрице-пророчице Аполлона (1-й пифии) Фемоное (*Аристотель*, О философии, фр. 3 Ross). Примиряющая версия: “ Познай самого себя ” — ответ Аполлона, изречённый пифией на вопрос Хилона: “ Что самое лучшее для людей? ” (Кларк-перипатетик у Стобея 3, 21, 26; ср. Диоген Лаэртий 1, 40) ... Старинное дельфийское речение было полностью переосмыслено Сократом » (*Философский энциклопедический словарь*. М., 1989. С. 489). Можно сказать, что с переосмысления этого изречения Сократом и начинается вся европейская философия: человек начинает постигать самого себя.

¹ Втор. 15, 9.

² Беседа 3. На слова: *внемли себе* // *Святитель Василий Великий*. Творения в двух томах. Т. 1. М., 2012. С. 882.

воплощает в себе то главное и общее, что было у всех христианских святых. Это то, что сделало их подлинными христианами и святыми.

Но главное достоинство данной книги состоит в том, что она предлагает воспользоваться для самопознания мощным современным средством — достижениями психологии XX века. Впервые в православном богословии осуществляется синтез святоотеческой аскетики и глубинной психологии¹. Конечно, святые отцы сказали для нас все, что нам необходимо для спасения. Но проблема современного человека состоит в том, что к слову святых он не столь восприимчив, как, например, к слову современной науки. Последнее ему кажется и более понятным, и более убедительным. Именно поэтому святые отцы-богословы всегда брали на вооружение лучшие достижения современной им культуры и с их помощью выражали открытые им духовные истины.

Книги профессора Корнаракиса очень любимы греческим монашеством — как известно, очень консервативным и традиционным. Эта книга была издана женским монастырем, а перевести ее на русский язык настоятельно рекомендовал переводчику опытный афонский иеромонах весьма строгой духовной жизни. Надеемся, она заинтересует русского читателя и принесет ему духовную пользу.

Сретение Господне, 2016.

¹ Этому синтезу посвящена большая часть научного и богословского наследия профессора Иоанна Корнаракиса. В систематическом виде он изложен в его книгах «Невроз как адамов комплекс» и «Руководство по пастырской психологии», перевод которых сейчас также готовится к печати.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всяк муж является себе праведен.
Книга Притчей Соломоновых, 21, 2

Мудрый Соломон в своих «Притчах» высказывает такую мысль: каждый человек считает, что в своей личной жизни он является праведным, верным и чутким вершителем справедливости и истины. Но слово «праведный» в понимании Ветхого Завета означает человека, который праведен и благочестив в глазах Божиих. Следовательно, изречение Соломона надо понимать в духовном смысле. Оно касается верующего человека, и в первую очередь — христианина. Каждый христианин *кажется* себе, *представляет* самого себя благочестивым и, значит, достойным Царства Божия. Но не всегда бывает так, как он полагает и как ему кажется.

Соломон выражает свою мысль весьма категорично. Если применить его изречение к нам, то выходит, что все христиане являются христианами кажущимися, фантастическими. Но конечно, это

некоторое преувеличение, потому что невозможно, чтобы все христиане были фантастическими христианами.

Однако, хотя это суждение и является преувеличением, в большинстве случаев оно, конечно, оказывается истинным. Ведь Сам Господь дает понять, что это очень редкий случай, когда кто-нибудь оказывается подлинным и любящим Бога христианином.

•••

В Евангелии от Матфея Господь утверждает, что *много званых* — ко спасению. Но в итоге достигших спасения оказывается немного — *мало избранных*¹.

В том же Евангелии, указывая на единственный верный путь спасения, Он сказал: *тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их*².

В другой Своей проповеди Он назвал причину суда над миром, сказав: *суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы*³. Будучи же Всеведущим, видя, как мир движется к концу, к последним временам перед Его Вторым пришествием, Он сказал: *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?*⁴ Будут ли тогда на земле верные Ему? Это вопрошание Господа открывает нам, что в идущей к концу мира

¹ Мф. 20, 16.

² Мф. 7, 14.

³ Ин. 3, 19.

⁴ Лк. 18, 8.

церковной истории живая вера христиан будет постепенно исчезать или, в лучшем случае, останется в небольших общинах верных.

Все эти слова Господа показывают, что действительно очень трудно быть подлинным и боголюбивым христианином. Трудно с верностью, подаваемой Святым Духом, распиная самого себя, шествовать по тесному и скорбному пути к обожению по благодати.

•••

Но существует еще один важный аргумент, доказывающий, что приобрести *почесть высшего звания*¹ трудно. Мы имеем в виду тот факт, что слова Господа: *аще же соль обуяет, чим осолится мир?*² — относительно большей части христианского мира, мира Церкви, уже исполнились.

Две тысячи лет Церковь присутствует в жизни мира. Но кризис, время от времени терзающий мир, показывает, что соль в значительной степени потеряла свою силу уже давно. Мы, большинство христиан, уже долгое время являемся христианами лишь в своем собственном представлении. Христианский мир прожил свою церковную и духовную жизнь с *фантазией* о себе, что он имеет христианское самосознание. Он впал в прелесть, посчитав, что тот образ жизни, который он сам для себя определил и установил, является христианским.

¹ Флп. 3, 14.

² Мф. 5, 13.

В течение веков время от времени можно было услышать плач святоотеческого человека: «Поэтому мы, сыны дня и света, стали сынами ночи и тьмы... *Что ожесточил еси сердца наша, еже не боятся Тебе?*¹ Ты оставил нас самозаконию прельщения»².

¹ Ис. 63, 15–19.

² *Преподобный Максим Исповедник. Слово о подвижнической жизни*, гл. 37. В русском переводе (Творения. Кн. 1. М., 1993. С. 89–90) последнее предложение отсутствует. Его первоисточник — 39-е Слово свт. Григория Богослова. В дальнейшем это словосочетание (как осознанное заимствование из свт. Григория Богослова) употребляли многие святые отцы: Авва Дорофей (Поучение 2-е: «*Душа, по преступлении заповеди, предалась, как говорит святой Григорий, прелести сластолюбия и самозакония*»), преподобный Максим Исповедник (кроме указанного выше, в 64-м вопросоответе к Фалассию и в «Вопросах и недоумениях» (гл. 93); в русском издании последнего сочинения это переведено как «самовластие обольщения» (*Преподобный Максим Исповедник. Вопросы и недоумения. Святая гора Афон, М., 2010. С. 135*)) и др. — *Все примечания, кроме ссылок на Священное Писание и греческие источники, принадлежат переводчику. Комментарии автора указаны особо.*

ВВЕДЕНИЕ

I

ИСТОКИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО САМОБОЖЕСТВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

1. Адамова болезнь фантастического самообожествления

Первозданный Адам решил нарушить заповедь Божию и самостоятельно добиться обожения здесь и сейчас. Он поверил бесовскому обещанию, что стоит ему вкусить запретный плод древа познания добра и зла и он сразу станет как бог: *и вы будете как богу*¹.

Богом было предначертано, чтобы Божественное бытие «по подобию» Адам приобрел позднее. Ведь для того чтобы обожение по благодати стало личным опытом Адама, он должен был потрудиться и приложить суровые усилия. Но с подсказки диавола Адам подумал, что время для обретения этого опыта можно свести к нулю. Поэтому он решил послушаться Бога, хотя Бог и предупреждал его: *в день, в который ты вкусишь от древа познания добра и зла, смертью умрешь*².

¹ Быт. 3, 5.

² Быт. 2, 17.

Так Адам был обманут лукавым змеем. Он не вознесся на божественную высоту. Но сразу после вкушения запретного плода у Адама и Евы открылись глаза, и они увидели и убедились, что наги, и сшили листья смоковницы, и сделали опоясания, чтобы прикрыть увиденное ими. Прикрыть то, чем они оказались. Чем же они оказались?

Бог сотворил Адама и Еву согласно Своему образу, *по образу Божию*¹, дабы они, пребывая в раю, достигли, уже благодаря своему собственному старанию², обожения по благодати. Теперь же они внезапно оказались обнаженными, лишенными всех боготворящих дарований, которыми их наделил Бог.

Теперь они старались прикрыть свою обнаженность, скрыть лишение боготворящих дарований образа Божия. И это, безусловно, означало, что они

¹ Быт. 1, 27.

² Имеется в виду известное святоотеческое толкование на рассказ книги Бытия о сотворении человека: создание человека было задумано по образу и по подобию Божию (*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему. Быт. 1, 26*), но сотворен он был только по образу Божию (*И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его. Быт. 1, 27*). Согласно святым отцам, из этого следует, что подобие Божие Адам должен был приобрести своими усилиями: «Одно мы имеем в результате творения, другое приобретаем по своей воле. При первоначальном творении нам даруется быть рожденными по образу Божию; своей же волею приобретаем мы бытие по подобию Божию... Ведь *по образу* я обладаю бытием существа разумного, *по подобию же* я делаюсь, становясь христианином» (*Святитель Василий Великий. Беседа первая о сотворении человека по образу // Творения в двух томах. Т. 1. С. 441*). См. также: «*Всякое разумное естество — по образу Божию, но только одни благие и мудрые — по подобию Его*» (*Преподобный Максим Исповедник. Главы о любви. 3, 25 // Творения. Кн. 1. С. 124*).

создали некую *личину*. Отныне эта личина будет у них питать иллюзию, что внешний образ, создаваемый ею, облегчит им человеческие отношения и избавит от проблем общения. Они надеялись, что благодаря такому внешнему облику у них не будет никаких проблем — ни внутренних, личных, ни внешних. Так им, конечно, *казалось!*

Поступив так, они, безусловно, попытались изменить или прикрыть свое естество, которое повредилось изнутри, подверглось порче из-за преслушания заповеди Божией. Но как можно было изменить или прикрыть естество, ставшее тленным и смертным?

Их поступок дал им лишь иллюзию, что у них теперь есть такое качество жизни¹, с которым можно жить в обществе². Иллюзию, что они обладают образом, имеющим сходство с образом Божиим. Но эта их идея была фантастической идеей.

•••

Правду сказать, у Адама и Евы имелась личная психодинамическая платформа, на которую они решительно водрузили этот ложный и фантастический образ. Этой платформой были остаточные очертания образа Божия. Образ Божий после грехопадения в них омертвел, и от него в их представлении остался лишь след.

¹ Ὑπαρξιακὴ ποιότητα — экзистенциальное качество.

² Κοινωνικῶς — социально. Здесь осмысляется тот всем известный факт, что голый человек жить в обществе не может; чтобы появиться в обществе, ему нужно одеться.

В своей жизни после падения падший человек сохранял, как далекое воспоминание, остаточное изображение образа Божия. Это остаточное изображение служило ему поводом для возвышения своей личности в пространстве фантазии, когда в трудных обстоятельствах повседневности жизнь унижала и смиряла его¹.

•••

Впервые адамов человек попытался возвысить в фантазии свой образ, когда Бог заговорил с ним в раю после его преслушания.

Как только Адам и Ева изготовили на скорую руку личину, чтобы прикрыть стыд и позор своего падшего образа, они услышали шаги Бога, ходящего в раю. Тогда они поспешили скрыться среди деревьев райского сада, чтобы избежать встречи с Ним. Но Бог, конечно, их увидел и позвал Адама к Себе: Адам, *где ты?*² Что с тобой случилось?

Адам больше не мог скрываться от Бога и предстал перед Ним. Тогда Бог спросил его прямо: зачем он съел запретный плод? Ведь Бог его предостерегал от этого, предупреждал, что он умрет, если его съест. От ответа человека на этот важный вопрос зависела вся его дальнейшая судьба. Но Адам ответил агрессивным по отношению к Богу поведением: человек обвинил Бога, что это Он виноват в нарушении заповеди. Адам сказал Ему: *жена, которую Ты мне дал*³, чтобы она жила со мной, она мне предложила плод, и я его съел.

¹ В оригинале: в обстоятельствах экзистенциального унижения.

² Быт. 3, 9.

³ Быт. 3, 12.

Этот ответ является проекцией собственной вины Адама на Бога. Этим ответом он делает виноватым и ответственным за свой грех Самого Бога. Он отрицает свою вину и, ведя себя как равный с равным, возлагает вину за свой грех на Бога.

В результате грехопадения Адам заболел бесовской болезнью самообожествления, которая стала передаваться по наследству. Эта болезнь заставляет его в своем представлении о себе возноситься над своей реальной ничтожностью до такой высоты, будто его авторитет равен авторитету Бога. Он, словно сам будучи богом, разговаривает с Богом, как равный с равным, как бог с Богом. Так сбылось и подтвердилось данное Адаму и Еве уверение лукавого змея: *и вы будете как боги*¹.

•••

Этот бесовский недуг гнездится во всех потомках Адама. И когда человек возвеличивает образ самого себя, это значит, что в нем пробуждается и начинает действовать этот недуг. И бывает, что человек возносит свой образ так высоко, что это превосходит всякую фантазию. Причина такой невероятной фантастичности его образа в том, что здесь уже действует бесовское вдохновение и логика *будете как боги*.

За примерами далеко ходить не надо. Их можно найти в дальнейшем повествовании Ветхого Завета. И прежде всего — в рассказе о семье Адама и Евы.

¹ Быт. 3, 5.

2. Авель — жертва созданного Каином фантастического образа самого себя

Воспитание детей Адама и Евы было религиозным. Когда они выросли, каждый из них самостоятельно совершал жертвоприношение Богу, отдельно один от другого.

Однажды два брата, как всегда, приносили свою обычную жертву Богу, как они были научены своими родителями. Но в этот день случилось нечто трагическое. После принесения ими жертвы первенец Каин убил своего брата Авеля¹. Почему? Потому что Бог благосклонно принял жертву Авеля, а от жертвы Каина отвернулся.

У Каина, как у первенца, имелись, наверное, какие-то привилегии в семейном кругу. Можно сказать, это были те привилегии, которые позднее закрепил Моисеев закон. В любом случае, у Каина, безусловно, был образ мыслей и психология «первого». И наверное, до этого трагического для семьи Адама мгновения никто не подвергал сомнению это его первенство. С позиций такого первенства Каин и смотрел на Авеля. И еще, скорее всего, он никак не мог поверить, что кто-то когда-нибудь дерзнет усомниться в этом его первенстве или это первенство задеть.

Но как внезапно всё случилось! Происходит то, чего Каин никогда не мог себе представить: брат вдруг делается выше, чем он, и посягает на его первенство. Жертва Авеля оказалась благоугодной Богу,

¹ Быт. 4, 3–16.

поскольку он принес ее с благоговением и согласно с правилами богопочитания своего времени. Каин же, напротив, пренебрег этими правилами и должными священнодействиями. Следовательно, Бог не был пристрастен. Он просто показал Каину, что тот должен был совершить всё так, как это сделал Авель. Но Каин разгневался, разозлился! В душе он почувствовал себя глубоко униженным. Ему было стыдно. Авель — лучше, чем он?! Как он будет выглядеть теперь в обществе? Как он сможет теперь жить, пока жив его брат? Ведь Авель отныне всегда будет живым напоминанием и доказательством того, что Бог отверг Каина.

Каин, обуреваемый помыслами о своей социальной неполноценности, решил: Авель должен умереть, чтобы исчез с лица земли живой свидетель унижения достоинства Каина. Бесовская болезнь *«и будете как боги»* не признает какого бы то ни было почитания семейных уз.

Следовательно, именно разросшийся фантастический образ первенства вооружил против брата руку Каина. Статус первого ребенка в семье поддерживал в Каине сознание его превосходства над братом Авелем. Но Бог поставил Авеля выше Каина, вопреки тому, что сам Каин думал о себе. И тогда находиться в своей семье ему стало невыносимо. Он не мог уже жить вместе со своим богопочтенным братом в одной семье, ибо непрестанно переживал унижение, мысленно возвращаясь к тому образу собственного превосходства, который он лелеял в своей душе.

Поэтому Авель должен был умереть. И он умер — от братской руки.

3. Вавилонская башня как попытка ветхозаветного человека возвысить себя в своей фантазии

В начале одиннадцатой главы книги Бытия Ветхого Завета описана очень показательная попытка человека возвысить свой образ до неба.

Возможность такого возвышения появилась у человека в тот момент истории, когда он научился делать из вещества, взятого у матери-земли, строительные материалы для сооружений, устремляющихся в небо. Двумя основными материалами для строительства были обожженный кирпич, твердый как камень, и земляная смола в качестве строительного раствора. *И сказал человек ближнему своему: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести*¹.

И когда люди приготовили эти строительные материалы, они сказали: *построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли*².

•••

У этих людей была честолюбивая цель: вознести верхушку башни *до небес*. Этим они приобрели бы себе имя, которое и самих людей представляло бы столь же высокими, сколь высоко небо. Эти люди захотели покорить небо! Их ум витал высоко.

¹ Быт. 11, 3. При цитировании Священного Писания Ветхого Завета используется греческий текст Семидесяти толковников (Септуагинта).

² Быт. 11, 4.

Суть этого грандиозного дела состояла в превозношении человеческого имени, в превозношении личностей этих людей. Поэтому-то Бог и не одобрил планов постройки гигантской башни. Своим прямым и решительным действием Он воспротивился этому. Бог сказал Себе: *сойдем же и смешаем там язык их, да не услышит каждый гласа ближнего своего*¹.

Бог расстроил сотрудничество и общение строителей башни, послав им глухоту², так что соратники не могли слышать и понимать друг друга. Отсутствие взаимопонимания привело к смешению строителей башни и невозможности общения между ними, в результате чего они оставили свои планы. Ни город, ни башню построить было уже невозможно. Всё это смятение, возникшее из-за вмешательства Бога, было названо *Смешением*³, по-древнееврейски — Вавилоном. А выражение «вавилонское столпотворение» сделалось с тех пор поговоркой, которую вспоминают, когда у толпы людей нет взаимопонимания и общение между ними невозможно.

•••

Когда ветхозаветные люди научились делать строительные материалы, тогда, видимо, их ум и создал фантастический образ башни до небес. А вместе с этим у них родилось и честолюбивое чувство, что они достойны приобрести громкое имя. Достойны того, чтобы это имя прозвучало до небес.

¹ Быт. 11, 7.

² Автор говорит о глухоте на основании текста Септуагинты: *да не услышит каждый гласа ближнего своего* (Быт. 11, 7).

³ Быт. 11, 9. Ср. Синодальный и славянский переводы этого места.

Так адамов недуг бесовского самообожествления поразил и строителей Вавилонской башни. Он подтолкнул их создать в своей фантазии колоссальное сооружение как образ личного превосходства и всемогущества. Они задумали стать богами. Но истинный Бог превратил в пыль их планы и их дела. А главное — Он сокрушил гордый образ, который в их представлении был связан с их именем, — фантастический великолепный образ самих себя. Он привел этих людей к осознанию своей ничтожности, и эта реальность сокрушила их¹.

4. Навуходоносор и его золотой образ

Царю Вавилона удалось своими непрерывными военными операциями подчинить своей власти многие страны и сильные народы и взойти на вершину славы и величия.

Эту славу он решил отметить царскими, в высшей степени пышными, праздниками и торжествами, которые возвестят о его всемирном (для его времени) величии, несокрушимой силе и непоколебимой

¹ Крах «покорителей неба», строителей Вавилонской башни, был предвозвещением конечной злой участи всех тех много о себе думающих людей, которые возносятся в своем гордом безумии, основанием для этого возношения положив безбожие. Пророк Исаия предвидел, что на последнем Суде Божиим совершится уничтожение людей, стремящихся к самообожествлению: *очи бо Господни высóцы, человек же смирен: и смирится высота человеческая, и вознесется Господь един в день оный. День бо Господа Саваофа на всякаго досадителя и горделиваго, и на всякаго высокаго и величаваго... И смирится всякий человек, и падется высота человека, и вознесется Господь един в день оный.* (Ис. 2, 11–17). — Прим. автора.

власти. Но что будет главным знаменем и символом его всемирной власти? Безусловно, его образ, изображение его царского лица.

Итак, он соорудил свой огромный, почти как небоскреб, золотой образ, высотой в шестьдесят локтей и шириной — в шесть, и поставил его на поле Деире, вблизи его столицы, Вавилона¹. И повелел, чтобы собрались все князи и владыки стран и народов, и все сатрапы, и воеводы, и наместники, и вожди, и тираны. Все высокопоставленные лица, бывшие под властью Навуходоносора, должны были предстать на торжественном открытии его образа.

Во время этих торжеств глашатай громко воскликнул: *падите и поклонитесь золотому истукану, которого поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем. Посему когда все народы услышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки и поклонились золотому истукану, которого поставил Навуходоносор царь*².

•••

Итак, все владыки и князья, которых призвал Навуходоносор предстать на торжественном открытии своего образа, должны были каждый раз, когда раздавался звук трубы, сразу падать ниц, поклоняясь золотому образу царя вавилонского. А тот из предстоящих, кто

¹ См.: Дан. 3, 1 и далее. Слово *истукан* Синодального перевода соответствует в Септуагинте слово *εἰκών* (образ).

² Дан. 3, 5–7.

не поклонился бы его образу, должен был быть ввержен в огненную печь, разожженную с начала торжественного открытия этого образа и готовую наказать таких «нечестивых» гостей Навуходоносора.

•••

Однако возникает интересный вопрос в связи с устройством печи для жестокого наказания тех гостей, которые не поклонились бы образу вавилонского царя: почему этот честолюбивый царь не удовлетворился установкой своего образа и простым присутствием созванных им гостей, но потребовал еще и поклонения этому образу, угрожая страшным наказанием за отказ от этого?

Что же было причиной такого смертоносного гнева царя Вавилона? Его жгучая мстительность по отношению к «нечестивым», приглашенным на открытие истукана, выдает некое внутреннее сомнение: действительно ли всё на свете ему подвластно? Огромные размеры его образа, множество воевод и владык и, прежде всего, наказание огнем — не предназначено ли всё это для укрепления его внутренней уверенности, что он действительно всемогущий и всеильный царь?

•••

Современные психологические оценки поведения Навуходоносора говорят о том, что царь вавилонский и в самом деле внутренне сомневался в реальности своей власти и в счастливой участи своего царства.

Уже одна его жгучая мстительность по отношению к «нечестивым» (например, к трем отрокам,

отказавшимся поклоняться) указывает на его тревожный страх за судьбу своего царствования в грядущие годы. Эта пламенная реакция соответствует по психическому напряжению его тревожному беспокойству из-за возможной потери своей власти. Чем напряженней он внутренне переживает угрозу своему царствованию, тем острее он реагирует внешне.

Действительно, вавилонский царь был обуреваем напряженным внутренним беспокойством за судьбу своего царства. Пророк Даниил сообщил Навуходоносору печальную весть, когда царь позвал его истолковать приснившийся ему страшный сон. Тогда Даниил известил царя, что история его царства идет к закату и окончательному исчезновению с лица земли.

Этого известия Навуходоносор не мог вынести и устроил торжественное открытие своего царского образа, дабы провозгласить, что его царская власть всесильна и непоколебима. В пламенной реакции Навуходоносора на дерзнувших пренебречь его образом проявляется комплекс идеализированного, фантастического образа самого себя. Он реагирует так, как реагировал бы любой человек в ситуации, когда в межличностных общественных отношениях он сталкивается с отказом признать его личное достоинство или честь. Он находит убежище в мире своей фантазии, чтобы исцелить рану из-за такого отрицания, такой обиды. Но пусть на эту тему нам скажет больше американский психиатр Карен Хорни, поскольку ее теория об этом интересна и для нас, христиан.

II

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА-ХРИСТИАНИНА КАК ИДЕАЛИЗИРОВАННЫЙ ОБРАЗ

Наш термин «фантастический образ» понятийно совпадает с психологическим термином «идеализированный образ», который употребляет Карен Хорни в книге «Наши внутренние конфликты»¹, исследующей невротические склонности человека. Фантастический образ человека-христианина имеет до определенной степени невротическую структуру, как это будет подробно показано в главной части нашей книги. Ведь и фантастический христианин находится во власти психодинамики расколов и противоречий его внутреннего мира. Они проявляются в его двуличном поведении, когда такой христианин одновременно находится одной ногой в жизни Церкви, а другой — в мирской реальности, которая, главным образом, и определяет такое его поведение.

Итак, Карен Хорни пишет, что возникновение идеализированного образа объясняется «попыткой... создания собственного образа: что он, человек, представляет собой, каким, с его точки зрения, он может или должен быть в данный момент. Сознательный или бессознательный, этот образ всегда в большой степени оторван

¹ Карен Хорни. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., 1997. С. 5–234.

от реальности, хотя то воздействие, которое он оказывает на жизнь человека, в высшей степени реально. Более того, по своему характеру он всегда является лестным, что можно проиллюстрировать карикатурой из газеты «Нью-Йоркер»: полная женщина средних лет видит себя в зеркале стройной молоденькой девушкой»¹.

Далее Хорни пишет: «Отдельные черты этого образа варьируются, но они определяются структурой личности. Его главной чертой может быть или красота, или сила, или острый ум, или одаренность, или *святость*, или честность — все, что угодно»².

В частности, теория Хорни об идеализированном образе указывает на два центральных, очень важных, характерных элемента структуры этого неосознаваемого образа, которые видны и в фантастическом образе, возникающем у христианина.

Первый важный элемент — это существование *вины*. Идеализированный образ способствует вытеснению вины человека в бессознательную область его психики, чтобы были забыты оплошности, недостатки, ошибки и другие отрицательные психодинамические элементы, которые отвергаются именно потому, что не совместимы с этим образом. Согласно Хорни, то, «что человек считает своими ошибками или недостатками», зависит от его субъективного суждения. «То, что человек признает своими страстями или несовершенствами, зависит от того, что он отвергает или принимает внутри себя»³.

¹ Там же. С. 92.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 98.

Эта субъективная оценка человека имеет, по всей видимости, навязчивый характер, поскольку «признание определенных недостатков столкнет его лицом к лицу со своими конфликтами, подвергнув таким образом опасности ту искусственную гармонию, которой он добился»¹ с помощью идеализированного образа.

Второй важный элемент идеализированного образа — это его фантастический характер. «Идеализированный образ можно назвать фантастическим или иллюзорным Я»².

В термине «идеализированный образ» теории Карен Хорни явно слышен отзвук изречения Священного Писания «*по образу*». Священное Писание говорит, что Адам был сотворен *по образу Божию*. Идеализированный образ является фантастическим отблеском этого образа в человеческом сознании. Следовательно, в *идеализированном образе* фатально сокрыто и привнесенное в него бесовское видоизменение *будете как боги*.

Итак, теория Карен Хорни подчеркивает, что идеализированный образ — это центральная особенность невротического симптома. Вообще, эта теория предлагает целостную концепцию этого образа. Тем самым эта теория оказывается психологическим комментарием, объясняющим наш термин *фантастический христианин*. Оказывается, что такой христианин пойман в ловушку невротического комплекса. В своей фантазии он лелеет свой идеализированный образ, в котором видит себя подлинным христианином.

¹ Там же. С. 99.

² См.: Там же. С. 104.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**УПОМИНАНИЯ В ЕВАНГЕЛИИ
И У СВЯТЫХ ОТЦОВ
О ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ДУХОВНОЙ
ЖИЗНИ**

Глава первая

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ УПОМИНАНИЯ О ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

1. Делатели беззакония

В Своей Нагорной проповеди Господь порицал тех делателей Его Евангелия, которые, думая, что являются верными и преданными своей миссии, в реальности, из-за того, как они исполняют свое дело, являются делателями беззакония.

Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? и тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие¹.

Итак, некоторые «добрые» христиане, некоторые люди Церкви — по видимости ревнителю и активисты в делах любви и миссии — будут застигнуты врасплох в день суда Второго Пришествия Христова и изумятся, когда будут лишены спасения, причем с тяжким обвинением в том, что они — «делатели беззакония».

¹ Мф. 7, 21–23.

Следовательно, люди этой категории — это не те, кто просто иногда ходил в церковь. Но это те, кто, по их собственному мнению, были *сознательными* христианами, причем близкими сороботниками Христа, как они о себе небезосновательно думали. Ведь то, что они делали ради Христа, они делали *во Имя Его*.

Итак, в тот день Страшного Суда они зададут терзающие их справедливые вопросы: *не от Твоего ли имени мы пророчествовали?*¹ Не важные ли дела мы совершали? Не множество ли чудес мы сотворили силой Твоего Имени? Как же теперь Ты нас не узнаешь, Господи? И как мы, ревнители, из верных Твоих сороботников стали делателями беззакония? Как это возможно?!

•••

Воистину страшно! Даже самый равнодушный читатель или слушатель этого евангельского отрывка будет впечатлен столь жестким отвержением людей-христиан, близких сороботников Христа в деле спасения мира. И наибольшее впечатление производит главный аргумент этих делателей беззакония, что все сотворенные ими чудеса они совершали призыванием Имени Христова, а не своими силами и талантами.

•••

Толкователи и комментаторы этого важного евангельского места считают, что об этих делателях беззакония можно предположить следующее.

¹ Мф. 7, 22.

- «Они вели жизнь, недостойную их миссии»¹.

Очевидно, что эти труженики Евангелия Христова не приобрели в своей жизни тех духовных качеств, которые были необходимы для подлинной евангельской миссии. Они, конечно, употребляли Имя Христово, но не проживали в действительности благодатную силу этого Имени. Их личная жизнь не могла по-настоящему свидетельствовать, что они воистину христиане. Да, по их собственному мнению, они являлись соратниками Христа. Так они думали. Но таковыми не были. Они были фантастическими соратниками и учениками Христа. Это значит, что чудеса, совершенные ими, были необходимы им, чтобы быть на виду. Их дела создавали им яркий имидж христианских активистов. Но сами они — как люди в своей повседневной частной жизни — проживали одно, а в своем поведении на публике показывали другое. Они были христианами напоказ. Христианами в своем собственном воображении. Они не были подлинными соратниками Христа.

- «Они употребляли благодать Божию ради собственных желаний»².

Делатели беззакония совершали дело Божие, но не ради славы Божией. У них не было личной заинтересованности в спасении людей, которым они помогали. Они совершали дело Христово, чтобы решить свои собственные проблемы. Например, добиться

¹ *Τρεμπέλας Π.* Ὑπόμνημα εἰς τὸ κατὰ Ματθαῖον Εὐαγγέλιον. Ἀθήναι, 1951. Σ. 146, 147.

² Там же.

личного признания как делателей Христовых. Но также чтобы решить и свои житейские вопросы, например проблему материального благосостояния.

Кроме этого, часто бывает, что свою жизнь в мире Церкви пытаются устроить и люди с психологическими проблемами, психическими нарушениями и внутренними конфликтами. Возможно, они не могут исполнить свои желания, живя как обычные люди, и надеются, что удовлетворят свои потребности скорее в церковном, чем в светском обществе.

Многие деятели Церкви, не только клирики, но и миряне, оказывая Церкви свои услуги, приобретают себе *имя* благодаря своей многообразной активной деятельности. При этом им самим зачастую не идут на пользу их дела или услуги. Напротив, погруженность в рутину этих услуг приводит к трещинам в их поведении, через которые прорывается явное беззаконие или нечестие.

- «Они употребляли Имя Христово, но не имели любви ко Христу»¹.

Призыванием или упоминанием Христова Имени в их миссионерской активности они исповедовали Христа. Но к Самому Христу они не питали горячей любви, которая бы доказывала, что они Его истинные представители. Поэтому они никого не могли убедить в том, что они подлинные труженики Христова Евангелия.

¹ Там же.

•••

Делатели беззакония ссылались на свои дела. Ведь они совершили важные дела! Однако дела их не были *в Боге соделаны*¹. Они совершили свои дела *Именем Христовым*, но дела эти были *лукавы*². У них не было угодных Богу намерений для совершения благих дел. Поэтому Господь отверг эти дела, назвав их делами беззакония, а исполнителей этих дел — делателями беззакония. Однако те *думали*, что были делателями Христовыми. *Думали. Воображали*, что были делателями Христовыми. Они были *фантастическими* делателями Евангелия.

•••

Делатели беззакония совершили важные дела, но пренебрегли важнейшим и первейшим делом своей жизни — подвигом исполнения заповедей Христовых, необходимым для *их* духовного преуспеяния. Они не позаботились о том, чтобы *самим* стать благими. Они удовольствовались делами, которые им было легко делать, только лишь упоминая Имя Христово. Они не пошли по крестному, узкому и скорбному пути к обожению по благодати.

Они попали в ловушку деятельности ради деятельности. Они предпочли путь воображаемого удовлетворения от активности, причем такой активности, которая не тревожила болезнетворные страсти их плотского Я.

¹ Ин. 3, 21.

² Πονηρά (Ин. 3, 19)

Напротив, из-за этой активности, не приносящей им самим никакой духовной пользы, они всё больше и больше похвалялись и гордились тем, что они миссионеры Христовы. Обоготовив свое миссионерство, они поставили его на вершину своего самодовольства. И *вообразили*, что трудились ради своего спасения и, более того, ради первого места в сердце Христовом.

Они не познали, что никакое дело не спасает только лишь потому, что оно — *дело*. Любое дело оказывается спасительным тогда, когда оно *в Боге соделано*, когда изменяет внутреннего человека, претворяет его в образ Христов. Христос не признал делателей беззакония своими братьями, потому что они своими делами сами сделали себя чуждыми Его образу. Поэтому Он им сказал: *не знаю вас*.

2. Фантастический любитель вечной жизни

Однажды, когда Господь вышел из некоего дома на дорогу, к нему подбежал молодой человек. Он преклонил перед Ним колени и сказал ему: *Учитель благий! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?*¹ Учитель ему посоветовал исполнять в своей жизни заповеди из Моисеева Декалога². Но любитель вечности уже их знал и даже заверил Господа, что он их исполняет с юных лет: *всё это сохранил я от юности моей*³.

¹ Мк. 10, 17.

² Т. е. список десяти заповедей.

³ Мк. 10, 20.

Тогда Господь ему сказал: *одного тебе недостает: пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест*¹.

Ответ Господа соответствовал заверению его собеседника, что он уже с малого возраста исполняет те заповеди, на которые Тот сперва ему указал. Теперь юноша должен был последовать второму указанию Господа: продать свое имущество, раздать деньги нищим и прийти, чтобы следовать за Ним. Стать Его учеником, чтобы приобрести сокровище вечности.

Но реакция любителя вечности была неожиданной. Было видно, что он опечалился и разочаровался, услышав второй совет Христа. По какой же причине? Если у него были все необходимые условия, чтобы приобрести то, чего он так сильно желал, почему же он опечалился и даже быстро ушел? *Отошел*, как говорит Евангелие. И Евангелие отвечает: *у него было большое имение*².

•••

Как понять то, что из-за множества имений молодой человек резко прервал свою беседу со Христом? Просто-напросто любитель вечности *отождествил* себя со множеством своих *имений*. Ему было невозможно помыслить, что в какое-то мгновение он должен будет расстаться с ними. Эти имения стали

¹ Мк. 10, 21.

² Мк. 10, 22.

им самим. Они сделались всем его существованием и всем его счастьем. Как он мог разлучиться с такой великой своей *любовью*?

•••

Господь знал, что юный любитель вечной жизни находился в прелести. Юноша думал, что соблюдал названные им заповеди, тогда как он просто их *знал*. Он читал Моисеев закон и особенно Декалог, десять заповедей, и, безусловно, соглашался с ними. И конечно, испытывал особое удовлетворение и наслаждение, изучая их, — ведь десять заповедей были его любимым чтением. У него не было ни тени сомнения, что эти заповеди важны и очень полезны для каждого человека и что, если бы *люди* их соблюдали, общество было бы лучше. И не исключено, что он советовал каждому своему ближнему соблюдать и исполнять Декалог для собственной пользы и религиозного развития.

•••

Итак, юноша хорошо знал десять заповедей Моисеева закона и сделал их своим *достоянием*, не затрачивая, однако, никаких трудов и усилий и не лишая себя никаких личных благ. Ему было приятно их читать и, вероятно, проповедовать, учить им других людей. Однако он никогда не поднимал *креста* их исполнения. Поэтому Господь приглашает его последовать за Собой. Но прежде всего необходимо исполнить призыв: *возьми крест*. Юноша должен взять крест, что означает сбросить с себя груз своих материальных благ.

•••

Из этого евангельского отрывка неизбежно возникает критический вопрос: как и почему любитель вечной жизни впал в прелесть, поверив, что все заповеди Декалога он соблюдает с самой ранней юности? Несомненно, он превратил в своей фантазии *знание* в *проживание*. Он, конечно, знал заповеди, но не проживал их. Итак, следует предположить, что он был фантастическим любителем заповедей. Иллюзия исполнения заповедей давала ему право думать, фантазировать, что, благодаря воображаемому их исполнению, он был уже и любителем вечной жизни.

•••

В духовной жизни одно лишь *знание* буквы духовного закона является обычной западней, улавливающей в прелесть. Господь эту прелесть приписал фарисейскому религиозному сознанию, когда своим слушателям однажды дал такой совет: *на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают*¹. Следовательно, в фантастическом религиозном поведении скрывается и *лицемерие*. Фантастический верующий *изображает* из себя верующего и благочестивого человека. Так и юный собеседник Господа, богатый землевладелец, попал в западню лицемерия. Это обнаружилось, когда он заявил, что исполняет все заповеди

¹ Мф. 23, 2–3.

Декалога. Ту часть первой заповеди, которая касается отношения к ближнему: *возлюби ближнего твоего, как самого себя*¹, юноша совершенно забыл в тот момент, когда Господь сказал ему: *пойди, продай имение твое и раздай нищим*². В то мгновение нищие должны были показаться ему несимпатичными и враждебными претендентами на его имущество.

3. Фантастический христианин, обманывающий сам себя

Фантастический христианин создает образ себя, каким он хочет быть или каким он должен быть. Такому человеку трудно слушать или читать евангельское или любое другое духовное слово, ибо оно требует полной личной собранности.

•••

Брат Господень Иаков в своем соборном послании советует христианам слушать слово Божие и исполнять его, ибо если они его не исполняют, то обманывают сами себя: *будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя*³. Слушая, но не исполняя слово Божие, христианин оказывается непоследовательным, что и ведет его к самообману, к расстройству его отношений с самим

¹ Мф. 22, 39.

² Мф. 19, 21.

³ Иак. 1, 22. Ср. церковнославянский перевод: *бывайте же творцы слова, а не точию слышатели, прельщающе себе самех.*

собой: ибо, кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он¹.

Этот текст вызывает справедливое недоумение: почему человек, разглядывавший себя в зеркале, сразу забыл себя, как только удалился от него? Может быть, он увидел там что-то такое, что ему не понравилось? Или, может быть, он увидел там себя столь совершенным, что больше уже не нужно о себе заботиться? Но если бы так было на самом деле, брат Господень Иаков не говорил бы о самообмане. Следовательно, недоумение остается. Что же такое этот человек увидел, после чего забыл сам себя?

Наверняка он увидел то, что он должен изменить во всем своем существовании и поведении. Очевидно, зеркало указало ему, как он должен изменить свое поведение, свое мышление, свои чувства, настроения и помыслы. Вероятно, оно пробудило и чувство вины, спящее в неосознаваемых глубинах его души. Или же напомнило об упущениях и неисполненных обязательствах перед самим собою.

Следовательно, зеркало нарушило его покой. Оно пробудило в нем потребность в деятельности и движении, потребность в подвиге, которым только и можно изменить и исправить его образ жизни.

¹ Иак. 1, 23–24. Ср. церковнославянский перевод: *зане аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковый уподобися мужу смотряющу лице бытия своего в зеркале: усмотри бо себе и отыде, и абие забы, каков бе.*

Вот почему этот человек сразу забыл свой образ. Он прибегнул к самому легкому решению проблемы, которую ему создало зеркало, — впал в забвение своего подлинного образа. Восстановил свой покой. Снова отошел ко сну своего рутинного существования.

•••

Очевидно, что отношения верующего *слушателя* с зеркалом евангельского слова отображают основную проблему человеческого существования¹ — проблему отношений с самим собой. И при этом — центральную и самую жгучую проблему этих отношений: проблему *познания самого себя*. Кто он есть и каким он должен быть? Похоже, что большинство людей плохо видят эту проблему. Они не хотят ее замечать и о ней знать. Они не желают серьезно ею заниматься. Они оказывают *сопротивление* любому побуждению к самопознанию.

Интересно почему?

Психология, исследующая бессознательное, установила, что мотивом для всякого сопротивления самопознанию является страх. Страх перед реальным образом себя самого. Известный психиатр и психолог Карл Густав Юнг утверждал, что большинство людей боится проникнуть в глубину своей души — не выскочит ли оттуда какое-нибудь чудовище, какой-нибудь змей, который ужаснет их или вызовет у них разочарование.

¹ Ὑπαρξιακὸ πρόβλημα — экзистенциальная проблема.

Люди боятся, что в этом случае они столкнутся с экзистенциальными¹ проблемами и тупиками, которые их сокрушат. Поэтому они предпочитают не заниматься проблемой, кто они такие и каков реальный образ их самих. Они чувствуют себя более комфортно и бесппроблемно, если поручают своей фантазии создать образ самих себя — такой образ, который соответствовал бы уровню и качеству их общественного положения. Предпочитают рисовать свой образ в собственном воображении, а не изменять его в реальности к лучшему подвигом и трудами. Они отказываются от перемен, путь к которым лежит через страдания. Отказываются от борьбы, результат которой не может быть известен заранее.

•••

Так и *слышатель* слова Божия, увидевший свое отражение в евангельской проповеди, заметил свои недостатки и несовершенства. Но лишь только он удалился от этого зеркала, как сразу забыл, каков он есть. Он вытеснил свой образ в беспамятство своего бессознательного, отверг этот образ и, как ему кажется, избавился от тяжелых экзистенциальных вопросов о том, каков его образ на самом деле.

Но так легко от действительности не убежишь. Важный психологический закон предупреждает: «*Все, что вытеснено, мстит*».

¹ Экзистенциальными (от лат. *existentia* — существование) проблемами для человека являются те, которые наиболее глубоко затрагивают его существование в этом мире: свобода, подлинность, страдание, смысл жизни и смерти, истина и ложь.

Итак, правду говорит брат Господень Иаков. Если слышатель слова Божия не исполняет это слово, то он обманывает сам себя. Такая его непоследовательность отдаёт его в распоряжение психодинамических законов *невротического комплекса*¹. Поэтому потеря памяти о самом себе после того, как он увидел свое отражение и отверг увиденный образ, является началом возникновения невротиического комплекса. Такой человек остается *фантастическим христианином* и оказывается во власти всех последствий самообмана, во власти своего невротиического мышления.

4. Фантастический образ, созданный фарисеем

Фарисей — это религиозный тип, который известен всем. Господь, прекрасно зная, какое благочестие бывает у фарисеев и как они себя ведут, порицал их². Суровыми, но справедливыми словами Он указал на лицемерность этого благочестия, на пустоту фарисейского духа и противоречивость фарисейского поведения, которое свидетельствовало о расщеплении личности фарисея на взаимоисключающие душевные процессы.

Фарисей *говорит, но не делает*. Учит и наставляет, но сам не соблюдает того, чему учит других. Он заботится об одном — своим внешним образом убедить всех в подлинности собственного благочестия. Ему

¹ Невротический комплекс — сформировавшаяся в бессознательном устойчивая совокупность представлений, эмоций, мотивов и установок. Комплекс оказывает существенное влияние на психику человека.

² См.: Мф. 23, 13 и сл.

нравится, что на него смотрят люди и что он выглядит глубоко религиозным человеком. Его одежда, весь его стиль, учительская интонация его речи, его премудрость преследуют одну цель: выглядеть тем, кем он якобы является, — учителем Моисеева благочестия и богопочитания.

Однако *внутри* фарисей остается не просто неболагороженным, он еще и преисполнен *лицемерия* и *беззакония*. Это подтверждается, например, тем, что он *поедает дóмы вдов*¹, при этом тратя много часов на длинные многословные молитвы. Его суждения и его логика лукавы. Он утверждает, что *дает десятину* от своих доходов нищим. Но это касается лишь ничтожной части всех его доходов, ведь размер его милостыни зависит от продажи лишь дешевых растительных продуктов — *мяты, аниса и тмина*. В то же время он забыл о *более важном в Законе: правосудии, милосердии и верности*² — и совсем не заботится об этом.

•••

При этом фарисей из притчи о мытаре и фарисее вырастает в своих глазах и становится выше всех людей на земле: *я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи*³. Он благодарит Бога за то, что он не грабитель: ведь он не похищает чужого добра, например дома у вдов. Он справедлив и никого не обижает. Его душа чиста — ведь он не прелюбодей.

¹ Мф. 23, 14.

² Мф. 23, 23 (в переводе еп. Кассиана (Безобразова)).

³ Лк. 18, 11.

И его религиозная жизнь тоже совершенна и соответствует требованиям Моисеева законодательства. Он постится два дня в неделю и часто молится в храме.

•••

И в Евангелии от Матфея, и в Евангелии от Луки Господь лаконично и метко начертал Своим истинным словом образ фарисея. Этот образ вполне соответствует той патологии, которая наблюдается у невротического человека. То есть этот образ соответствует невротическому комплексу.

У фарисея есть проблема в его отношениях с *истиной*. Его целостный образ может быть описан с помощью категорий *истины* и *лжи*. Фарисей стал чужим для *истины* — высшей ценностной величины в иерархии ценностей. И жизненным ориентиром поставил на ее место *ложь*. Такая перестановка ценностей является важнейшим характерным элементом невротического комплекса.

В этой перестановке ценностей обнаруживается глубочайшая экзистенциальная черта *фантастического христианина*. Этой чертой является не что иное, как *невротичность* сознания фантастического христианина. Этот христианин, как и фарисей, — лицемер, потому что, живя в Церкви, он не творит истину Церкви. Он творит лишь свою личную волю, которая обслуживает его беспечальную религиозную жизнь. Его фантазия постоянно утешает его тем, что он истинный и подлинный христианин. Утешает его тем, чего нет в действительности.

Глава вторая

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ УПОМИНАНИЯ О ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

1. Надменность плюс почет — прямая дорога в фантазию

Тордым и надменным является такой человек, который возносит себя выше самого себя, выше *реального* самого себя. Сюда же относятся и другие сходные категории людей, которые своими эгоистическими особенностями возносят самих себя, — например люди высокомерные, кичливые, надменные.

Когда человек возносится выше самого себя, это означает, что он проецирует себя, насколько это возможно, вверх. В результате его ценность растет в пределах ложного искусственного идеализированного нереального образа — иными словами, *фантастического* образа. Высокомерного и гордого человека не может удовлетворить его подлинный образ, поэтому он расширяет его во всех направлениях и надувается подобно индюку, откуда и народная характеристика такого человека — «индюк надутый».

Каков же мотив такого, «выше крыши», вознесения образа гордого человека, — выше того, каков он в реальности?

На первый взгляд, это, конечно, желание человека, чтобы его почитали, желание отличаться от других людей, превосходить всех своей ценностью и славой. Но кроме этого, и желание, чтобы его совесть была уверена, что он достойный христианин, — чего на самом-то деле нет.

•••

Святоотеческий человек в своей духовной жизни к такому желанию относится негативно. И с абсолютной ясностью он говорит, что «почесть есть матерья всех зол»¹.

Преподобный Нил Синайский объясняет, что боголюбивый христианин, подвигающийся в приобретении какой-нибудь добродетели, не ищет почести и похвалы от людей. И следовательно, ему не нравится, когда ему оказывают честь. Ибо он знает, что такая честь чревата человекоугодием. Тот же, кто желает этих почестей или принимает их, впадает в превозношение и гордость. И преподобный прибавляет: первое зло, в которое почести вовлекают их любителей, — это *фантазия*. Преподобный Нил лаконично отмечает: «Желание почестей — фантазия»². Друг

¹ К Евлогию монаху. Слово 1 // Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 135.

² *Φαντασία*, в опубликованном русском переводе — мечта. См.: Там же.

почестей войдет в безразмерное и темное пространство фантазии, чтобы выбрать фантастический материал, из которого он будет создавать свой идеализированный фантастический образ.

•••

Преподобный Нил Синайский отмечает также и другую ловушку почести, в которую попадает, сам того не замечая, каждый подвижник добродетели, если не располагает чистым умом и не имеет трезвения. Преподобный говорит: «Редкое и крайне трудное дело — понести величие добродетели, не превознесшись мыслию, не надмившись преуспеяниями, пребыв смиренным»¹. Итак, редко бывает, чтобы кто-нибудь приобрел добродетель и не возгордился, но остался смиренным и его мысли и чувства были бы свободны от превозношения и гордости. Ибо это очень сложно. Эта сложность объясняется тем, что каждый подвижник, с большим трудом и напряжением сил совершающий подвиг, помышляет, понятное дело, что он приобрел добродетель своими трудами. Следовательно, он как будто имеет право гордиться своими достижениями. Однако святоотеческий человек в каждом таком случае приписывает свои достижения Богу, а не себе. Он не хочет из-за искушения почестями впасть в превозношение и гордость.

¹ Слово на евангельское изречение: *кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч* (Лк. 22, 36) // Там же. С. 189.

•••

Итак, почестей следует избегать, ибо они, толкая подвижника к превозношению, вызывают у него желание уйти в фантазию. В этом случае, согласно преподобному Нилу, подвижник впадает в *двоедушие*. Личность у него одна, а образа два: внутренний — существующий в душе образ реальной духовной жизни, и внешний — фантастический, ненастоящий.

Преподобный Нил пишет от первого лица множественного числа об этих двух образах: «Мы, выставляя на вид образ целомудрия или нестяжательности, втайне делаем противное. Один образ запечатлеваем в себе, а иным прикрываемся сверху, притворной наружностью придавая достойный вид сокрытому стыду и обманом уловляя взоры людей, чтобы прославиться благочестием и добродетелью. Тогда мы скрываем за завесой искусственной личины то, что было бы достойно осуждения и порицания, если бы открылось»¹.

•••

И преподобный Марк Подвижник, касаясь той же темы о последствиях превозношения и гордости, отмечает: «Превозносящийся не знает себя самого»². Если кто своей гордостью и эгоизмом возносится

¹ Ср.: Там же. С. 188.

² *Преподобный Марк Подвижник*. Нравственно-подвижнические слова. СТСЛ, 2009. С. 167.

выше самого себя и помышляет о себе как о важном и великом, то его далеко уносит от реального себя и, следовательно, он себя не знает. В этом случае создаваемый гордым человеком прекрасный образ самого себя не соответствует реальности. Это искусственный образ с фантастическим содержанием, созданный преувеличенным мнением человека о самом себе. Фантастический материал для создания этого образа используется бессознательно, в соответствии с собственными желаниями человека или в соответствии с требованиями окружающего его общества. Поэтому превозносящийся не знает подлинного себя, хотя самому ему *кажется*, что он знает, каков он.

В каком случае это обнаруживается? В том случае, когда кто-нибудь посоветует ему потрудиться в самопознании, чтобы увидеть самого себя. Тогда такой человек расценивает это как напрасный труд.

•••

Действительно, большинство людей, как мы говорили и раньше, убеждены, что труд самопознания не нужен, поскольку они, разумеется, и так знают самих себя. Ведь они «сами» — это они и есть. Но коль скоро на самом деле настоящего себя они не знают, то что же тогда они о себе знают? Несомненно, они знают свой искусственный образ, созданный ими в полном соответствии с их желаниями. Создают они его, конечно, своим разумом, но из какого материала? Из материала своих фантастических умозаключений.

Согласно преподобному Максиму Исповеднику¹, существуют отношения сотрудничества между разумом и фантазией. Он отмечает, что помыслы — это порождение разума, но соотносятся они и с фантазией, когда ее употребляют как лестницу. Помыслы, пользуясь *фантазией* как инструментом, восходят от чувств к уму, чтобы принести ему материал из образов и сцен, воспринимаемых чувствами. Но делают они и противоположное. С помощью лестницы-фантазии переносят в чувства то, что они восприняли от ума, — опять же сцены, или образы, или понятия.

Итак, по необходимости, согласно преподобному Максиму, разум находится между чувственным и мысленным. Это значит, что посредством чувственного душа видит и творит то, что касается тела. А посредством мысленного видит и творит то, что касается духа.

Однако, поскольку мысленное в душе помрачилось из-за грехопадения Адама и в результате возросла сила чувственного (плоти), ум не может чисто видеть Божественное. Таким образом, душа пребывает между светом и тьмой. В таком положении душа находится в отношениях с чувственным. Но по необходимости

¹ Иные главы // PG 90, Col. 1432. Это сочинение, распространявшееся под именем прп. Максима, принадлежит Илию Екдику, см.: Гностические главы, гл. 26 (по греч. Добротолюбию (Φιλοκαλία. Т. В'. Ἀθήναι, 1991. Σ. 301), на рус. яз. эта глава не переведена, но переведена на цслав. прп. Паисием Величковским: Добротолюбие. Т. 2. М.: Сретенский монастырь, 2002. С. 659).

она обращается (хотя необходимых для этого духовных данных у человека нет) и к услугам помраченного мысленного, то есть к *фантазии*¹.

Итак, тот, кто утверждает, что ему не нужно подвизаться, чтобы познать самого себя, будет иметь дело с помраченным фантастическим образом самого себя². Если это человек верующий, то в своей духовной жизни он будет вести диалог с фантастическим собой. Он будет фантастическим христианином.

2. Фантастическая добродетель

Не только в миру людям случается впасть в заблуждение, что они подлинны христиане, тогда как на самом деле это их представление о себе фантастично. Это случается и там, где живут и подвизаются монахи. И даже — что тут удивительного? — в тех

¹ «Душа разумная, находясь в сопределии света чувственного и мысленного, при помощи одного имеет возможность видеть и делать телесное, а при помощи другого – духовное. Но поелику в ней свет мысленный помрачился, а чувственный стал более ясным, по причине из начала установившегося навыка к нему, то она не может всецело простереться зрением к Божественным вещам, если во время молитвы не будет вся со светом мысленным; но поневоле ей приходится оставаться в промежутке между тьмой и светом, во тьме (чувственной) вращаясь по привычке и склонности, во свете же (мысленном) одним мечтанием». Илия, пресвитер и Екдик. Цветособрание, 78 // Добротолюбие. Т. 3. СТСА, 1992 (репринтное воспроизведение издания: М., 1900). С. 429. Фантазия (φαντασία) здесь переводится как «мечтание».

² Преподобный Максим отмечает, что продвинутым в духовной жизни верующим Бог является «как есть». Как Он есть! Однако тем верующим, которые отождествили себя с вещественным, чувственным измерением жизни, Он является таким, каковы они, — «не каков Он есть, но каковы суть

суровых местах пустыни, где подвижники, совершающие духовную борьбу и подвиг, должны иметь особую чистоту и ясность евангельского сознания. Иногда и там фантазия вносит фальшь в аскетическое самосознание пустынножителя. Тогда и он заболевает лицемерием и создает личину, для того чтобы *выглядеть* выдающимся подвижником в глазах других.

•••

Для того чтобы *добродетель* или *духовный дар* вошли в душу подвижника и придали ей евангельскую чистоту, требуются усилия, трудная и суровая духовная борьба. Когда же в душу монаха проникают превозношение, тщеславие и гордость, тогда его подвижничество теряет тот подлинно евангельский характер, который создается Святым Духом. В древних патериках можно встретить рассказы об искажениях в монашеском подвиге. Это случается, когда монах следует своим личным пожеланиям и устремлениям и тем самым возносит свою личность выше того, каков он в реальности. Так создается фантастический образ одаренного, а то и освященного, добродетельного и просвещенного подвижника. Некоторые примеры этого мы приведем здесь.

они». Итак, когда они обратят свой взор к Богу, они видят не образ Божий, но собственный помраченный образ самих себя. Поэтому Бог говорит грешнику в 49-м псалме: *вознещевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен* (См. К Фалассию // PG 90, Col. 364). — Прим. автора. — Рус. пер.: *Преподобный Максим Исповедник*. Творения. Кн. 2. М., 1993. С. 83 (вопрос 28) и 207 (схолия к вопросу в прим. 4).

•••

Однажды три брата пришли к Старцу в Скит, чтобы получить пользу от беседы с ним. Один из них сказал:

— Авва, я выучил Ветхий и Новый Завет наизусть.

— Ты наполнил воздух словами, — ответил Старец.

— А я, — сказал другой, — переписал себе Ветхий и Новый Завет.

— А ты, — сказал Старец, — заполнил полки бумагой.

Третий же сказал авве:

— Я так долго не готовлю себе пищу на огне, что мой очаг зарос сорняками.

— А ты отогнал от себя гостеприимство, — ответил Старец¹.

•••

Эти три монаха не подвизались в приобретении евангельских добродетелей. Они пожелали совершить какое-нибудь дело, которое бы удовлетворяло их тщеславие. Ответы Старца, наверное, пробудили их дух, и они поняли, что, прежде чем браться за дела, которыми они хвалятся, они должны постараться стать внутренне лучше, подвизаясь в добродетели и духовно преуспевая.

¹ См.: Εὐεργετικός. Τ. 3. Ἀθήνα. 1985. Σ. 349. Рус. пер.: Благолюбие. Т. 3 и 4. [Б.м.]: Братство во имя Святой Троицы, 2011. С. 209.

•••

Одна подвижница познакомилась как-то с рассудительным Старцем и воспользовалась удобным случаем, чтобы узнать, правильно ли она совершает свой аскетический подвиг. Она спросила его:

— Отче, в течение двухсот недель я постилась шесть дней подряд каждую вторую неделю. К тому же я выучила наизусть весь Ветхий и Новый Завет. Прошу тебя, скажи, чего мне еще недостает? Что мне еще нужно сделать?

Старец же отвечал ей:

— И какой плод ты приобрела от всего этого? Принимаешь ли ты теперь уничижение за честь для себя?

— Нет, — ответила она. — Такой степени добродетели я не достигла.

— А считаешь ли ты ущерб, причиняемый тебе другими, приобретением? А чужих считаешь ли кровными родственниками? И нужду — богатством?

— Нет, — снова ответила она.

Тогда Старец сказал ей:

— Значит, ты не постилась шесть дней в неделю и не выучила Ветхий и Новый Завет. Никакой пользы ты не приобрела для себя тем, что делала. Ты только обманывала сама себя. Иди и трудись над собой, ибо пока ты не достигла ничего¹.

¹ См.: Там же. С. 350. Рус. пер.: Там же.

•••

Один Старец подвизался пятьдесят лет, не вкушая хлеба и вина, за исключением редчайших случаев. И начал он говорить:

— Я покончил со страстями блуда, сребролюбия и тщеславия.

Когда авва Авраам услышал, что Старец так говорит, пришел к нему и спросил:

— Правда, что ты так говоришь?

— Да.

Тогда авва Авраам задал ему вопрос:

— Представь, однажды тыходишь к себе в келью и видишь на своей циновке женщину. Сможешь ли ты не думать о ней, как о женщине?

— Нет. Но я буду бороться с помыслом, чтобы к ней не прикасаться.

— Ты, — сделал вывод авва Авраам, — не убил страсть, она в тебе живет, хотя ты ее и связал. Ответь еще на один вопрос: ты идешь по дороге, видишь камни и черепки, а посреди — золото. Можешь ли ты в своих мыслях одинаково отнестись к золоту и черепкам?

— Нет. Но я буду бороться с помыслом, чтобы не взять золото.

— И эта страсть осталась в тебе, хотя и связана, — сказал авва Авраам.

И еще спросил:

— Ты услышал о двух братьях, что один любит тебя, а другой ненавидит и злословит тебя. Если они придут, у тебя будет одинаковое душевное расположение к ним?

— Нет. Но я буду сражаться с помыслом и стану заботиться о ненавидящем меня и делать ему добро.

— Так что и эта страсть живет в тебе, хотя связана, как и другие, — сказал в заключение авва Авраам. — Итак, страсти остаются жить даже после того, как подвижники их связали¹.

•••

Один Старец сказал: «Многие необученные духовным вещам думали, что они достигли бесстрастия, тогда как их душа была еще преисполнена страстями и тело не очистилось полностью от греха». Он же сказал: «Вся проблема в том, что бесстрастны мы только на словах, а в сердце — зло и беззаконие»².

•••

Преподобный Макарий Египетский в своем «Слове о хранении сердца»³ дает такое описание фантастического христианина: «Случается, что некоторые бывают причастниками благодати и живущий еще в них порок хитрит, добровольно уступает место и не действует, но заставляет человека думать, что ум его стал чист, и вводит уже его в самомнение, и говорит он: “Совершенный я христианин”. А потом,

¹ См.: Там же. Т. 4. Σ. 370. Рус. пер.: Там же. С. 595.

² См.: Там же. Σ. 379. Рус. пер.: Там же. С. 600.

³ Слово 1. О хранении сердца, гл. 9 // *Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы*. СТСА, 2014. С. 387.

когда человек подумает о себе: “я уже свободен” и предастся нерадению, тогда кроющийся порок наступает на человека разбойнически, искушает его и низводит до *преисподних земли*¹».

У фантастического христианина имеется некоторый опыт благодатных состояний. И это удостоверяет его в том, что он хороший христианин. Потому-то он и доволен своей духовной жизнью. В таком состоянии он не обращает должного внимания на случающиеся с ним падения. Он почивает в комфортном пространстве своей фантазии, ощущая себя христианином, пусть и несовершенным, конечно, но, во всяком случае, неплохим. А воспоминания о его падениях вытесняются из этого пространства в бессознательную область его психики. Они остаются там до тех пор, пока, разбухшие грехом, не навалятся на него все разом.

В своих творениях святые отцы согласны в том, что фантазия представляет собой опасность в духовной жизни, ибо она вводит в заблуждение того христианина, который прилепляется к чувственным и вещественным измерениям бытия, к материальному качеству жизни и не преуспевает духовно в исполнении евангельских добродетелей².

¹ Пс. 62, 10.

² Вопросы к Фалассию // PG 90, Col. 461. – Рус. пер.: *Преподобный Максим Исповедник. Творения. Кн. 2. С. 129 и сл. (вопрос 49), 228 (схолия в прим. 14); фантазия (φαντασία) здесь переводится как «мечтание».*

Фантастический христианин — это ярко выраженный экстраверт. Из-за своего двоедушия он хочет пребывать и в Церкви, и в мирских делах. Всё это заставляет его постоянно переживать раскол внутри себя. Поэтому он *не тверд во всех путях своих*¹.

¹ Иак. 1, 8. В церковнославянском: *неустроен во всех путех своих*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКУЮ ВЕРУ**

Глава первая

МЕТАМОРФОЗЫ СМЫСЛА ВЕРЫ В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

1. Субъективное понимание духовной жизни

Апостол Павел делает акцент на единстве всего духовного строения Церкви и особенно на единстве ее учения и жизни как Тела Христова, когда пишет: *единство духа в союзе мира* достигается благодаря тому, что в Церкви *одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас*¹.

•••

Необходимо отметить, что такой образ всего духовного строения Церкви создается усилиями каждого верующего. Подлинный христианин усваивает всей своей жизнью отдельные спасительные элементы Церкви, главным же образом — *веру*.

¹ Еф. 4, 3–6.

Базовая составляющая жизни верующего — вера — это такая составляющая церковной жизни, которая в процессе субъективного усвоения ее каждым верующим испытывает множество смысловых изменений. Если бы мы после церковной службы, после Божественной Литургии, опросили всех прихожан, как понимает каждый из них веру и как он ее осуществляет в своей жизни, то у нас, безусловно, было бы множество самых разных ответов.

•••

Это общеизвестный факт, что у каждого верующего — *своя* вера. Эта вера по своему духовному содержанию отличается от веры любого другого христианина, потому что у каждого человека есть свои собственные унаследованные или приобретенные особенности мышления и особенности образа жизни. У каждого человека — своя неповторимая биологическая конституция. Каждый человек получил свое воспитание и образование. Он имеет свой «вкус» церковной жизни, свой уровень духовного преуспеяния. Наконец, он относится к определенному *психологическому типу*. Все эти факторы в своем взаимодействии создают огромное, вероятно неисчерпаемое, разнообразие понимания и восприятия христианской веры. Дело здесь обстоит так же, как и со всеми остальными убеждениями или идеями у людей. Это реальность, о которой говорится и в Библии. Премудрый Соломон отмечает: *как не походит лицо*

на лицо, так и сердца людей¹. Библейское слово, имея своим сильным адвокатом психологию, утверждает, что никогда не может быть совершенного сходства между двумя людьми.

Всё это хорошо объясняет причину, по которой с верой происходят метаморфозы, когда тот или иной человек осуществляет ее в своей собственной жизни. Другой причиной таких метаморфоз является то, что усвоение содержания христианской веры происходит не только человеческими усилиями, но осуществляется и завершается Божественной благодатью. Ведь вера — это врата, в которых усилия человека встречаются с *таинством* спасения во Христе Иисусе. Когда эта встреча происходит, тогда верующий живет между *созерцанием* и *деланием*. Благодаря осуществлению веры в жизни, благодаря ее *проживанию*, человек восходит к *созерцанию*. Восходит к *ведению*. Другими словами — приобретает просвещающий духовный опыт. Здесь высвечивается первостепенное значение человеческих усилий, значение проживания *боголюбивой веры*. Поэтому древний подвижник-исихаст советует: «Не впадай в нерадение о делании, иначе умалится и ведение»². Не пренебрегай борьбой за приобретение добродетели, иначе уменьшится ведение *духовное*, уменьшится Божественное просвещение, посещение Святого Духа. Без делания не приходит просвещение.

¹ Притч. 27, 19 (в переводе П. А. Юнгера).

² PG 91, Col. 1440. Авва Фалассий. О любви, воздержании и духовной жизни. К пресвитеру Павлу. Сотница вторая, гл. 32. Рус. пер.: Добротолюбие. Т. 3. С. 298.

•••

Итак, когда у верующего отсутствуют боголюбивые усилия, делание и подвиг добродетели, тогда он постоянно витает в своих собственных теориях¹. Эти теории есть плод его ума, их он и делает своей личной верой. В этом случае каждый «верующий», который не подвизается в том, чтобы веру сделать своей жизнью, теорию своей личной веры вверяет собственной *фантазии*. И конечно, если верующий не подвизается, а только «верит в душе», то его *фантазия* задает содержание и качество его веры. Мы, большинство христиан, являемся фантастическими христианами, каждый — согласно своей собственной теории. Следовательно, сколько существует нас, верующих посредством нашей фантазии христиан, столько существует и таких теорий, отличных одна от другой. Каждый фантастический христианин создает собственную, субъективно выстроенную, теорию о том, в чем смысл его личной веры.

•••

Когда верующий человек создает собственный воображаемый образ, на него всегда воздействует чувство (или переживание) личной вины за слабость или отсутствие сознательных усилий жить подлинно похристиански. Если вера не осуществляется в жизни,

¹ В оригинале θεωρία — то же слово, которое выше было переведено как «созерцание». В данном случае значение этого слова приближается к значению слова «теория» в русском языке.

если наблюдается постоянный дефицит духовной жизни по Евангелию, то это становится главной причиной создания христианином своего фантастического образа. Этот образ компенсирует тревожащую совесть недостаток подвижнических усилий, необходимых для приобретения евангельских добродетелей. Такой образ создает у человека ощущение, что он неплохой христианин, в результате чего успокаивается его совесть, которую тревожит его вина.

Безусловно, созданный христианином собственный фантастический образ восполняет всю недостаточность практической христианской жизни верующего. Кроме того, этот образ удобно согласовывается с теми греховными пожеланиями и стремлениями верующего, которые приводят к нарушению евангельских канонов христианской жизни.

И конечно, фантастический верующий не упускает возможности строго судить остальных, когда они ведут себя точно так же, как он сам. «Он зорко видит грех ближнего, но медлителен и не готов признавать собственное согрешение»¹. Такое поведение помогает забывать свою личную вину. Это осуждение узаконивает фантастический христианский образ и тем самым предоставляет этому образу твердое основание в христианском самосознании верующего.

¹ Святоотеческий пересказ (Свт. Василия Великого) евангельских слов: *и что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?* (Мф. 7, 3) — Прим. автора. Рус. пер.: «Богословские главы» преподобного Максима Исповедника, или «Пчела». М., 2013. С. 338–339.

•••

В итоге субъективная версия духовной жизни становится каноном личного христианского сознания¹. Однако это самосознание сформировано на основе фантастического материала, компенсирующего отсутствие *проживания* христианства. *Проживание* же это является условием возникновения и возрастания боголюбивой веры. *Проживание* рождает ведение. Отсутствие *проживания* открывает дверь, через которую в жизнь веры входит фантазия. Так и возникает фантастический христианин.

2. Формирование обрядоверия²

Говоря про обрядоверие, мы имеем в виду приверженность верующего ритуалу, абсолютизацию внешней формы, следствием чего становится утрата сути. Речь идет о следующем превращении. Совершаемые в Церкви священнодействия, в которых каждый верующий призван участвовать, теряют — для такого религиозного сознания — свой духовный и благодатный характер. Они превращаются в религиозные события, которые по своему смыслу и практическому использованию аналогичны ритуалам и символам существующих в мире религий.

•••

Религии мира созданы человеком, они лишены духовного и спасительного содержания. Они только лишь отвечают на потребность человека в общении с превосходящей человеческие силы сущностью. Боги

¹ Συνείδησις; вариант перевода: «совести».

² В оригинале — θρησκευτικῆς συνείδησις.

этих религий создаются из проекций¹ человеческой психики в связи с практическими нуждами повседневной жизни. Эти проекции вызываются многообразными потребностями человеческой жизни для преодоления разнообразных состояний и событий, затрудняющих эту жизнь. Имеются в виду болезни, нищета, опасности, нападения врагов и тому подобное.

И в Библии говорится, что *идолы народов — серебро и золото, дело рук человеческих*². Эти идолы изготовлены из золота, серебра, или камня, или дерева. Но они оживают в фантазии того, кто им поклоняется. Это происходит посредством молитв, заклинаний и других обрядов, которые формируются в соответствии с местными обычаями и господствующими представлениями о смысле и образе жизни.

•••

Важной особенностью всевозможных обрядов всех религий мира является то, что их участник, поклоняясь своим богам, ожидает благотворного результата от одного только соблюдения этих обрядов. Соблюдение их имеет магический характер и создает у человека убежденность в том, что его боги, его идолы, подадут ему то, что он просит. Таким образом, он не старается измениться сам, не старается сделать себя лучше. Он просто-напросто потребитель, который ждет, когда ему

¹ Проекция — один из важнейших механизмов психологической защиты, при котором человек приписывает другому лицу или предмету собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера, эмоции и пр., которые отказывается признавать в себе или которые не может вынести. В результате такой защиты внутреннее ошибочно воспринимается как приходящее извне.

² Пс. 113, 12.

дадут то, что он заказал. Ярко выраженное господство магической атмосферы создает в нем уверенность, что от него не требуется больше ничего, не требуется никаких усилий для изменения самого себя.

•••

Итак, когда здесь говорится про обрядоверие в нашей церковной жизни, то имеется в виду, что мы часто охотно участвуем в церковных обрядах, думая, что одним лишь их исполнением нам гарантировано освящение. Но обряды — это только духовные средства, которые помогают нам приблизиться к сути обряда, если мы прилагаем собственные усилия.

Простой пример этого — пост. Соблюдение поста установлено Церковью как духовное упражнение для приобретения определенной добродетели. С помощью поста, отказа от некоторой пищи, Отцы Церкви стремились воспитать у верующего человека навык подчинять свою волю канонам духовной жизни. Если человек с помощью поста этого не достигает, тогда у нас остается только *обряд* поста — как иллюзия аскезы и даже приобретения некой добродетели.

•••

Согласно преподобному Кассиану, «посты и бдения, изучение Писаний и отречение от мира — это еще не совершенство, это только кузница совершенства»¹. Пост, и бдение, и любой другой элемент

¹ См.: Εὐεργετικός. Т. 3. Σ. 378. Рус. пер.: Благолюбие. Т. 3 и 4. С. 229.

духовной жизни не являются сами по себе добродетелями. Это лишь средства для достижения совершенства. Благотворительность, миссионерство и все другие важные дела, помогающие Церкви осуществлять свое предназначение, — это *орудия*, которыми приобретает добродетель. Это средства освящения — в той мере, в которой эти дела *проживаются* и исполняются с любовью к Богу. Благодаря им человек воспитывает свое намерение, и таким образом они возводят христианина к доброму изменению.

Фантастический христианин соблюдает букву церковного устава, но не ведает духа, жизненной сущности этого устава. Он приходит на таинство Божественного Причащения и приобщается Тела и Крови Христовых, но, как только удаляется от Святой Чаши, сразу забывает, что он сейчас сделал. Это подобно тому примеру с человеком и зеркалом, который приводит брат Господень Иаков. Человек причастился Пречистых Таин, вышел из храма — и *забыл, каков он*¹, иными словами, выкинул из головы, что он сделал. Но одно он не выкидывает из головы никогда — свое фантастическое религиозное самосознание.

¹ Иак. 1, 24.

Глава вторая

ЭКСТРАВЕРТНАЯ УСТАНОВКА В ЖИЗНИ

1. Фантастический христианин между Церковью и миром

Слово *экстраверсия* как психологический термин означает склонность человека ориентироваться на внешнюю реальность, когда он выбирает свой образ жизни. В ответ на многообразные внешние жизненные обстоятельства, дух окружающего общества, движение идей и тому подобные факторы экстравертный психологический тип создает собственный образ мыслей и свои личные представления о человеческом бытии.

Когда мы говорим, что у экстраверта основным жизненным ориентиром является внешняя реальность, то имеем в виду, что все его частные психические функции направлены на восприятие, прежде всего, этой внешней реальности. Ум, мысли, чувства, воля, желания и другие силы человеческой психики, служащие его целостной жизненной подвижности, взаимодействуют в основном для ответа на требования и вызовы внешнего мира, окружающей повседневности.

•••

Следовательно, если кто-то из христиан относится по своей природе к экстравертному психологическому типу, то ему всегда угрожает опасность впасть в привязанность к внешней реальности. Скорее даже — впасть в восприятие себя как одной из вещей мира сего. Так, будучи сознательным христианином, он живет в мире Церкви, причем он может быть образцовым прихожанином. При этом, однако, как экстраверт, он живет также и в миру. Итак, он находится одной ногой в Церкви, а другой — в повседневности общественной жизни.

Такая жизненная позиция говорит о том, что христианин-экстраверт относится к категории двоедушных людей. Речь идет о психологическом состоянии внутреннего разлада. Такой человек желает жить в Церкви, но он хочет также оставаться и мирским человеком, ибо охвачен жаждой находиться в гуще жизни.

•••

Однако каждый представитель экстравертного психологического типа — это психологический инвалид, поскольку вытесняет¹ существенную часть самого себя — свою интроверсию. Психология признает нормой, когда человек живет осознанно между своей

¹ Вытеснение — один из основных механизмов психологической защиты; неосознаваемое устранение из сознания и удержание вне его болезненных для личности психических содержаний. Чаще всего вытеснение проявляется как забывание того, что человеку неприятно.

экстраверсией и интроверсией, когда он не пренебрегает ни одним из этих полюсов и гармонично их в себе сочетает.

Когда же человек оказывается чистым экстравертом или чистым интровертом, тогда он роковым образом вытесняет свой противоположный психологический полюс. И конечно, тогда вытесненный полюс находится в конфронтации с полюсом господствующим. Насколько человек позволяет действовать своему господствующему полюсу, настолько вытесняется противоположный. И всегда, в каждом случае, такое вытеснение становится болезнетворным фактором. Человек, который вытесняет важную для его существования психологическую функцию, попадает в ловушку психологического *комплекса*¹ невротического типа.

•••

Фантастический христианин обычно живет и действует как экстраверт. Он неспособен учитывать свою интроверсию и сознательно наблюдать за тем, как она действует. Это лишает его возможности продуктивно советоваться со своим опытом *проживания* веры. У такого христианина нет внутреннего духовного опыта, и поэтому он прибегает за помощью к своей фантазии, в пространстве которой и ведет диалог со своей *идеализированной* христианской совестью, с образом хорошего христианина. Такая

¹ См. примечание 1 на с. 46.

убежденная в его христианской идентичности совесть дает ему свободу употреблять ее по собственному рассуждению — употреблять так, как он считает правильным. Но «как он считает» всегда означает «как ему хочется». При этом, однако, он и не подзревает, что сам он — жертва собственного двоедушия и разлада душевных сил, противоречащих друг другу. Поэтому он часто ведет себя противоречиво, то так, то иначе. А это означает, что у него не в порядке отношения с истиной. И поскольку он не подвизается сделать евангельскую истину своей жизнью, так как уже считает себя хорошим христианином, постольку он следует этой истине избирательно, от случая к случаю, — когда ему *выгодно* показать себя истинным христианином.

Речь идет о случае, который описан преподобным Максимом Исповедником¹. Он отмечает, что христианин, который не *проживает* и не исполняет *всю истину целиком*, поскольку исполнение истины подразумевает жертвы и подвиг, — *тщеславен*. Ведь он исполняет эту истину *притворно*, то есть так, чтобы было удовлетворено его тщеславие. Как мы помним, фантастический христианин — это человек в высшей степени гордый, высокомерный, считающий, что он всё знает. И понятно, что такой человек притворяется, что исполняет евангельскую истину, ибо на самом-то деле он эту истину искажает.

¹ Вопросы к Фалассию // PG 90, Col. 369. Рус. пер.: *Преподобный Максим Исповедник*. Творения. Кн. 2. С. 209 (схолия в прим. 3 к вопросу 30).

Это искажение является самой глубинной и при этом самой тяжелой чертой в психологическом и нравственном облике такого человека, поскольку он отвергает слово Господа: *познаете истину, и истина сделает вас свободными*¹. Это искажение обнаруживается в действиях противоречивых сил его души. Эти силы человеческой психики действуют автономно и проявляются независимо друг от друга. Это подтверждает и Карен Хорни, когда пишет о раздельном мышлении² того, кто страдает таким душевным разладом.

Брат Господень Иаков замечает, что двоедушный человек *не тверд во всех путях своих*³. Так и логика поведения и мышления фантастического христианина нетверда (неустойчива) и даже нелепа. У него формируется такое внутреннее душевное состояние, при котором в различных случаях его поведение, его суждения и его логика становятся похожими на различные герметично закрытые комнаты (или отсеки) многоквартирного дома, не сообщающиеся между собой. При этом каждой комнате соответствует особенный образ мыслей, который не согласуется с другими комнатами. У такого человека имеется комната для осуждения. Есть комната для бизнеса. Есть и просторный этаж для благотворительности. Еще одно помещение — для его

¹ Ин. 8, 32.

² В терминологии Хорни — компартиментализация.

³ Иак. 1, 8.

церковной жизни и благочестия. Другое — для его общественной жизни, где возможны дела, совершенно противоположные духу Церкви. Не лишен он и комнаты отчаяния — для случающихся тяжелых событий. Там он оплакивает свою судьбу. А еще есть небольшой уголок для «случайного» неверия. И наверняка имеется еще одна маленькая комнатка для сомнений в Божественном правосудии, из-за того что не исполняются его мечты о богатой комфортной жизни, как у соседа. А еще... Да много чего еще... Спасибо его фантазии, которая дает такой простор для поведения и мыслей, укрепляющих его идеализированный образ, его уверенность, что он хороший христианин!

•••

Накануне Своих Страстей в Своей Первосвященнической молитве Господь сказал об отношениях своих учеников с миром: *Я не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы соблюл их от лукавого... Освяти их истиною Твоею*¹. Господь не просит Отца забрать из мира Своих учеников, но просит сохранить их от лукавого. Христианам суждено жить в мире. Мир — это поле борьбы христиан за свое спасение. И они существуют в мире, между *лукавым*² и *истиной*, которая

¹ Ин. 17, 15 (в переводе еп. Кассиана (Безобразова)), 17 (в Синодальном переводе).

² 1 Ин. 5, 19 — *Мы знаем, что мы — от Бога, а мир в целом лежит во власти лукавого* (в переводе еп. Кассиана (Безобразова)).

есть Христос. Первый свой выбор между лукавым и истиной Адамов человек сделал в раю. И возможность обожения тогда он потерял.

В то время он обладал богодарованными чертами образа Божия, по которому был сотворен, но он ими пренебрег. Он их отверг и выбрал лукавое. Проблема образа человека обострилась с воплощением Бога Слова. Мы снова оказались на арене битвы за правильный выбор. Что мы выбираем, то и получаем. Образ Божий или образ лукавого, посулившего: *и вы будете как боги*¹.

Фантастический христианин требует, чтобы его жизни досталась доля и *от мира*. В таинстве Крещения он стал *от Бога*. Но его привязанность к миру перевешивает чашу весов в пользу *мира*. Почему же он снова делает неверный выбор? Почему же на великие слова Христовы: *освяти их истиною Твоею*, — он не обращает внимания?

Мы будем честны, если осознаем, что совершаем свой выбор между миром и *истиной*. *Мир лежит во власти лукавого*². Так как мы находимся в лукавом мире, то должны решить для себя вопрос: каковы наши отношения с *истиной*. Фантастический христианин, живя *между* Церковью и миром, становится чужим для *истины*, которая есть Христос. Он бьется в темном пространстве своего фантастического образа христианина. И поэтому он плохо видит Истину.

¹ Быт. 3, 5.

² 1 Ин. 5, 19 (в переводе еп. Кассиана (Безобразова)).

2. Беспечальная духовная жизнь как принцип

Религиозная жизнь фантастического христианина определяется принципом: духовная жизнь должна быть беспечальной. Будучи экстравертом, он ссылается на «объективные», по его утверждению, трудности. На самом же деле он их преувеличивает, насколько ему того хочется. Он уверен, что из-за них жить по Евангелию в условиях мирской жизни невозможно. Утомительная рутина повседневности, изнеможение человеческого тела и психики под грузом проблем современной реальности и особенно переживаемые каждым человеком нашего времени изнурительные стрессы — в таких жизненных рамках кажется невозможным подвиг, которого требует от нас Церковь.

•••

Сильным, как кажется фантастическому христианину, аргументом в его пользу является и тот факт, что живущий в миру христианин не монах. Он считает, что большинство духовных обязанностей, выполнения которых требует от мирского человека Церковь, — это на самом деле обязанности монашеские, которые монах принимает на себя, давая обеты добровольно. Выполняя эти обязанности, монах, живущий в монастыре, не встречает препятствий в виде трудностей и проблем личного выживания или семейных и профессиональных забот и трудов.

Также обстоит дело и с богослужением: часто ходить на службы фантастический христианин считает монашеским долгом.

Между тем, так оправдываясь и делая такие утверждения, фантастический христианин впадает в прелесть.

•••

Преподобный Симеон Новый Богослов так пишет своему ученику Николаю, живущему в миру: «Итак, чадо мое возлюбленное и брат мой, восподвизайся стяжать смирение и не говори: “Это невозможно для меня”, ни опять: “Это идет к одним монахам, а не к тем, которые живут в миру”. Ибо Христос заповеди свои определил вообще для всех и ничего не законополагал особо для монахов, и особо для мирян»¹.

•••

Христос, как замечает преподобный Симеон Новый Богослов, оставил нам одно Евангелие для всех, а не два — одно для монахов и одно для мирских. Все евангельские заповеди касаются всех людей: монахов и мирян, богатых и бедных, здоровых и больных, ученых и безграмотных. Они касаются всех народов и всех племен на Земле.

Для того чтобы спастись, необходимо выполнить ряд условий. Но эти условия не говорят, что нужно принадлежать к какой-либо категории людей. И этими условиями никакие категории людей

¹ Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения. Т. 1. СТСЛ, 2014. С. 125.

от спасения не отлучаются. Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины¹. Но есть одно важное различие. Существуют два ориентира или два пути: *тесные врата и узкий путь, ведущие в жизнь*², и *широкие врата и пространный путь, ведущие в погибель*³.

Первый путь — для тех христиан, которые принимают как правило жизни слово Господне: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие овладевают им*⁴. Это те христиане, которые понуждают себя — в своих пожеланиях, в своих настроениях, в помыслах, в размышлениях, в чувствах и во всех других действиях души и плоти. Понуждают себя противостоять тем силам внутри себя, которые оказались инструментами греха и поводом для отступничества от Бога. Эти христиане понуждают себя быть верными богоугодному стремлению преобразить свое бытие по образу Божию в бытие по подобию Божию, достигнуть обожения по благодати.

Но фантастический христианин выбрал в качестве инструмента и средства для жизни по Евангелию свою фантазию. Ведь он оказался в ловушке ленивой и комфортной жизни, в ловушке своего самолюбия. Он не может вырваться из этих двух ловушек, которые приковали его к фантастическому религиозному самосознанию.

¹ 1 Тим. 2, 4.

² Мф. 7, 14.

³ Мф. 7, 13.

⁴ Мф. 11, 12 (в переводе еп. Кассиана (Безобразова)).

Он не может преодолеть свою расслабленность. Он легко может устроить голодную забастовку из-за уменьшения своей зарплаты, но ему стоит огромных усилий заставить себя хоть немного попоститься. Своей *силой*, которой можно было бы приобрести Царствие Небесное, он распоряжается безумно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК –
ЭТАЛОН ЖИЗНИ ПО ЕВАНГЕЛИЮ**

Глава первая

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ СВЯТООТЕЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

1. Христос — центр жизни святоотеческого человека

На вопросы: «Как возник святоотеческий человек, откуда произошла его духовная основа и каким образом он оказался центральным узлом церковного предания?» — ответ один: *вследствие неукоснительного соблюдения евангельского слова в своей жизни*. Святоотеческий человек сошел с евангельских страниц, возник из атмосферы Евангелия Христова.

•••

И вот как это произошло.

Преподобный Марк Подвижник, видимо, первым высказал мысль, что «Господь сокровен в Своих заповедях и обретается ищущими Его по мере исполнения оных»¹. Христос сокрыт в словах Своих заповедей. И Он открывается человеку соответственно тем

¹ Преподобный Марк Подвижник. Нравственно-подвижнические слова. С. 28.

усилиям, которые тот прилагает, чтобы осуществить эти слова в своей жизни. Христос открывается по мере исполнения Его заповедей.

Святоотеческий человек осуществил в своей жизни евангельское слово с абсолютной последовательностью, чуткостью и верностью. Он, просвещенный Святым Духом, воспринял искупительную весть и *уподобился Христу*. Он стал Христом по благодати, поскольку в таинстве Крещения во Христе облекся во Христа, согласно знаменитым словам апостола Павла в Послании к Галатам: *вы, которые были крещены во Христа, все вы облеклись во Христа*¹.

Преподобный Максим Исповедник дополняет мысль преподобного Марка Подвижника: «Слово Божие сокрыто в Его десяти заповедях. Воплощается же Оно в нас, нисходя к нам посредством нашего делания их»². Сын Божий скрывается в словах десяти заповедей и воплощается в нас, делается, по Своему снисхождению, сотелесным с нами, когда мы стараемся неукоснительно соблюдать эти заповеди в своей жизни.

В другом своем сочинении преподобный Максим дает более полное описание плодов, которые приносит соблюдение евангельских заповедей: «Слово Божие или Бог-Слово Отца таинственно присутствует в каждой из Своих заповедей, а Бог Отец естественным и неделимым образом присутствует во всем Слове. Воспринимающий божественную заповедь и исполняющий

¹ Гал. 3, 27.

² PG 90, 833. Рус. пер.: *Преподобный Максим Исповедник. Вопросы и недоумения*. С. 164.

ее воспринимает в ней и Слово Божие. А воспринимающий через заповедь это Слово совоспринимает и естественно сущих в Нем Отца и Святого Духа... Поэтому воспринимающий заповедь и исполняющий ее таинственно воспринимает всю Святую Троицу»¹.

Святоотеческий человек прочитал Евангелие Христово и затем на деле усвоил его, исполняя евангельское слово. Он получил Божественную благодать и принял в себя всю Святую Троицу. Он стал *богоносным*. И это значит, что святоотеческое слово всегда, во все времена, было и есть — везде, где бы ни встретился нам святоотеческий человек, — словом Святого Духа. Именно это и утверждает апостол Петр: *от Святаго Духа просвещаеми глаголаша святии Божии чловецы*².

•••

Но каким способом достиг святоотеческий человек уподобления Христу и причастия Святому Духу?

Святоотеческий человек применил в своей жизни слова апостола Павла: *буква убивает, а Дух животворит*³. Различие между буквой и духом евангельского слова было для него важным ориентиром, когда он старался открыть для себя Дух, присутствующий в букве. Он должен был превзойти букву, расколоть ее скорлупу и уловить дух, прикрытый этой

¹ Главы о богословии и домостроительстве воплощения Сына Божия. Сотница вторая, 71 // *Преподобный Максим Исповедник*. Творения. Кн. 1. С. 248.

² 2 Петр. 1, 21.

³ 2 Кор. 3, 6.

буквенной скорлупой. И преуспел он в этом благодаря неукоснительному соблюдению буквы евангельского слова в своей жизни, каких бы душевных и телесных трудов и потов, жертв и крови это ему ни стоило. Он сокрушил скорлупу буквы и, благодаря просвещению от Святого Духа, проник в дух этой буквы. В этом он следовал и словам апостола Павла, которые подчеркивают разницу между плотью и духом: *итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете. Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божи*¹.

•••

Такую жизнь во Святом Духе избрали святые отцы. И силою Святого Духа подчинили плоть с ее опасными порывами, живя *не по плоти, но по духу*². Изучая Священное Писание, они в своих усилиях его постичь от слов *восходили к духу* сказанного. Они возводили ум от человеческого душевного рассуждения к духовному и Божественнейшему, чтобы их ум смог последовать за Иисусом Христом, восшедшим на Небеса. Так они стали земными ангелами, светильниками вселенной и учителями православных догматов.

•••

Святоотеческий человек, живя по Евангелию (и таким образом Евангелие постигая), становится подражателем Христа и уподобляется Ему, беря

¹ Рим. 8, 12–14.

² Рим. 8, 4.

пример с апостола Павла и делая его своим жизненным ориентиром. Ведь апостол языков призывал всех подражать ему, как и он подражал Христу: *будьте подражателями мне, как я Христу*¹.

Апостол Павел собрал в себе все важнейшие духовные черты образа Христова. Соделав же себя образом Христа, он стал *первым отцом Церкви*. Осознавал себя отцом Церкви и сам апостол. В Послании к Коринфянам он говорит: *не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу*².

•••

Апостол Павел стал предводителем христиан в духовной борьбе и проложил путь для тех из них, кто хотел бы взойти на высочайшие вершины духовной жизни и святости. Поэтому он выделяется как *отец отцов*. Принеся всю свою жизнь в жертву своему апостольскому служению, он своими подвигами показал высоту своих духовных восхождений. Особенно ярко это показано в его словах об опыте мёртвости Христовой в теле каждого христоролюбивого верующего. Мы, христиане, уверяет апостол, *всегда носим в теле мёртвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы,*

¹ 1 Кор. 11, 1.

² 1 Кор. 4, 14–16.

*живые, непрестанно предаемса на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей*¹.

Отцы Церкви верно следуют по этому пути умерщвления своего тела, чтобы явилась в их тленной плоти жизнь Христова. Они равняются на слово Псалмопевца, из которого видно, что и тот был опытен в этом подвиге: *зане Тебе ради умерщвляемса весь день, вменихомся яко овцы заколения*².

В этих словах сокрыто всё *мученичество* и, вместе с тем, *таинство* святоотеческого подвига и освящения подвижников пустынь и общежительных монастырей. Подвига, необходимого для того, чтобы *изобразился*³ в их душах Христос и явилась Его жизнь в их тленной плоти.

Апостол Павел не подвизался в пустыне. Тем не менее он злострадал и претерпел мучения, основывая церкви в жестокой борьбе, в условиях гонений, бед и опасностей, угрожавших самой его жизни. И он навсегда определил точку духовной встречи со всеми отцами Церкви, когда возгласил: *и уже не я живу, но живет во мне Христос*⁴.

Святоотеческий человек был и остается на все времена живой иконой Христа. Он являет жизнь Христову всей своей жизнью. Нося тленную плоть, он весь сияет жизнью Христовой.

¹ 2 Кор. 4, 10–11.

² Пс. 43, 23.

³ Гал. 4, 19.

⁴ Гал. 2, 20.

2. Нищета духом — исходное условие святости

*Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное*¹. Этими словами Господь начал Свою Нагорную проповедь, которая является кратким уставом жизни по Евангелию.

Эта заповедь стоит первой в евангельском уставе жизни во Христе. И это говорит о ее огромном практическом значении для такой жизни и вместе с тем о ее глубоком неисчерпаемом смысле.

Но что особенного в тех христианах, которых Господь ублажает первыми? Этот вопрос задает и преподобный Макарий Египетский, чтобы дать свой ответ на него².

Итак, он пишет, что нищий духом — это тот, кто, весьма преуспев в своем духовном подвиге и будучи подлинно праведным избранником Божиим, сам при этом не считает себя каким-то выдающимся христианином. Он думает и чувствует, что никаких успехов в духовной жизни не добился. Поэтому он считает, что его душа лишена дарований Божиих и, более того, что она бесчестна и презренна, ибо он всегда видит множество своих грехов.

Нищий духом признает себя христианином, который знать не знает ничего духовного и не достиг никакой значительной духовной меры, хотя

¹ Мф. 5, 3.

² Беседа 12, гл. 3 // *Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы*. С. 126.

при этом ему известны дела духовные и он обладает большим и богатым духовным опытом.

•••

Однако у читателя преподобного Макария сам собой возникает один серьезный вопрос, который не забывает поставить и сам Макарий. Как может человек чувствовать себя нищим духом, если ясно осознает, что постоянно преуспевает в добродетели? Осознает, что приобрел духовный опыт, которого у него прежде не было. Как можно одновременно ощущать духовную опытность и внутреннюю уверенность в духовном невежестве, в скудости дара духовного созерцания?

Преподобный отвечает так: пока человек успешен в своем духовном подвиге и осознает себя правильным христианином, он не нищий духом. Он доволен и горд своими духовными успехами. Однако, когда он достигнет здравомыслия, когда он удостоится просвещения от Святого Духа, тогда сама Божественная благодать наделит его даром подлинной духовной нищеты¹.

•••

Действительно, если христианин подвизается в исполнении евангельских заповедей в меру своего произволения (а его произволение стремится к беспечальной духовной жизни), то ему кажется абсурдным или непостижимым, как можно подвизаться и, возможно, даже наблюдать в себе какой-то прогресс,

¹ См.: Там же.

и при этом считать себя нищим духом. Подобаящая христианину мысль о самом себе «я — нищий духом» может озарить ум и дух подвизающегося человека исключительно по просвещению от Святого Духа.

Но чувство духовной нищеты в освященном святоотеческом уме является источником, из которого возникает подлинно святоотеческий образ мыслей. Сам термин «святоотеческий человек» означает нищего духом верующего, который всё глубже и глубже осознает бесконечность предстоящего ему духовного пути. И эта бесконечность приводит его, когда он видит, каков он в реальности, к осознанию скудости принесенных его духовной жизнью плодов. Такими ничтожными плодами он гордиться не может — при том что, глядя на эти плоды со стороны, можно догадаться о достижении этим подвижником таинственной области трезвения и озарений Святым Духом. Но как бы то ни было, подлинно святоотеческий человек никогда не занимается оценкой уровня своего духовного опыта. Его совесть спокойна только тогда, когда он осознает себя духовно нищим.

Преподобный Макарий Египетский дает следующее определение духовному состоянию такой нищеты: «Сама благодать учит человека быть нищим по духу и — хотя он праведник и Божий избранник — не почитать себя за что-либо, но признавать душу свою малоценною и уничиженною, как будто ничего он не знает и не имеет, хотя и знает, и имеет»¹.

¹ Там же.

Глава вторая

БЛАГОДАТНОСТЬ И БОЖЕСТВЕННОСТЬ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

1. Вечность святоотеческой добродетели

Святоотеческая добродетель — это всегда плод исполнения какой-либо евангельской заповеди. Жизнь в Боге святоотеческого человека обогащается благодаря тому, что он старается верно *проживать* евангельские добродетели. Ведь эти добродетели являются средствами, которыми достигается *бытие по подобию* Божью, обожение. Этими средствами человек, будучи *образом Божиим*, достигает преобразования и обожения по благодати.

•••

Как прежде нам сказали преподобные Марк Подвижник и Максим Исповедник, Христос сокрыт в Своих заповедях и открывается тому, кто по этим заповедям живет.

Согласно этому святоотеческому учению, когда евангельские заповеди исполняются, в жизни верующего проявляются черты Христовы. Ведь исполнением этих заповедей в его душе создается образ Христа.

Внутри человека изображается Христос. И это присутствие Христа подтверждается хриstopодражательным поведением хриstoneсного верующего.

На эту реальность указывает в своем слове преподобный Нил Синайский. Он пишет: «По этой причине мы сделались *по образу* Божию, дабы сохранить в нашем личном образе и жизни черты образа Божия и нашим духовным поведением показывать тем, кто нас видит и наблюдает нашу жизнь, признаки уподобления Богу»¹.

Я, говорит Бог, *щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив и истинен, и правду храняй*². Вот какими красками описывается Божественный образ. Таковы черты бесплотного лика Божия. По этим чертам узнается душа, которая родственна Богу, которая стала иконой, подобной Ему.

•••

И еще один святой отец отмечает: «Если ты увидишь человека, который живет в чистоте и неразрывно связал себя со смиренномудрием, который милостив, кроток, благ, сострадателен, боголюбив, братолюбив, трудится во всех добродетелях, — о, какое великое чудо ты удостоился увидеть! Ты увидел невидимого Бога в Его видимом храме и образе — в человеке»³.

¹ К досточтимейшей Магне, диакониссе Анкирской. Слово о нестяжательности. Глава 45 // Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 325.

² Исх. 34, 6–7.

³ Житие 4-е прп. Пахомия Великого // ВЕПЕС 41. С. 110. Ср. рус. пер.: Хосроев А.А. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб., 2004. С. 221. См. также: Жития свт. Димитрия Ростовского. Т. 9. Киево-Печерская Лавра, 1999. С. 501–502.

Добродетель, согласно святоотеческому слову, — это не просто нравственная категория, которую можно постигнуть мыслью. Это не плод человеческого ума. Добродетель, как учит преподобный Максим, существует прежде времени, она старше времени, поскольку имеет своей причиной Бога. То есть родитель святоотеческой добродетели — Сам Бог. И поэтому добродетель происходит из вечности Бога. «Ведь всякая добродетель безначальна, и время не старше ее, поскольку она имеет от вечности своим Родителем единственного Бога»¹.

Святоотеческий человек, осуществляя в своей жизни евангельские добродетели, тем самым оказывается причастным вечности Божией. Это особо подчеркивает преподобный Максим в своем учении: «Бог на то создал нас, чтобы мы содеывались общниками Божеского естества и участниками Его присносушности и подобными Ему являлись по благодатному обожению»².

Святоотеческая добродетель служит делу обожения человека по благодати. Речь идет не просто о нравственном совершенстве. Такая добродетель превосходит пределы нравственного совершенствования человека. Она подчиняется плану и делу Божественного Промысла о человеке. Она содействует тому, чтобы человек стал причастным вечности Божией.

¹ Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия. Сотница 1, гл. 48 // PG 90, Col. 1101. Рус. пер.: *Преподобный Максим Исповедник*. Творения. Кн. 1. С. 223.

² *Преподобный Максим Исповедник*. Умозрительные и деятельные главы. Гл. 99 // *Добротолюбие*. Т. 3. С. 253.

2. От тщеславия к нетщеславной добродетели

Как нам сказал прежде преподобный Макарий, святоотеческий человек свой духовный путь начинает с осуществления добродетели в собственной жизни и продвигается к осознанию своей духовной нищеты. Он приобретает некую или некие добродетели и доволен этими плодами своих усилий. Но наступает такой момент его духовного подвига, когда испытывать самодовольство из-за своих добродетелей он уже отказывается. Ведь он уже понимает, что вместе с приобретением любой добродетели неизбежно возникает опасность превозношения и гордости.

•••

Действительно, сколько бы духовных дарований ни приобрел святоотеческий человек, он не гордится и не превозносится. Ведь он знает, что все добродетели созидает Бог, а не он. И еще он знает, что самодовольство и гордость из-за добродетели — это смерть для нее. Поэтому он старается любить добродетель и быть угодным Богу подвижником, который заботится о ее приобретении. Но делает он это со смиренно-мудрием. Всеми силами своего разума он упражняется в смирении и уклоняется от тщеславия и гордости¹.

¹ См., например: «Тайный [духовный] труд истребляет тщеславие, а приписывание Богу [собственных] достижений уничтожает гордыню» (Главы о любви. Сотница III, гл. 62 // *Преподобный Максим Исповедник. Творения. Кн. 1. С. 129*).

Тщеславие — это самое опасное падение для такого человека. Оно, как утверждает преподобный Нил Синайский, незаметно примешивается к каждому добродетельному делу: «Тщеславие растет [вместе] с добродетелями»¹. Следовательно, духовный путь святоотеческого человека пролегает от добродетели тщеславной к добродетели нетщеславной.

Святоотеческий человек всегда бодрствует и готов уклониться от тщеславия и гордости, которые могут приблизиться к нему, когда он приобретает какую-либо добродетель. Такой человек стремится приобрести добродетель не для того, чтобы ею превозноситься, но чтобы бороться с той страстью, которая противостоит этой конкретной добродетели.

Если, например, он стремится к воздержанию в пище, то старается победить страсть чревоугодия или гортанобесия², победить желание ублажать свою плоть. Однако, если борьба с этим желанием склоняет его к гордым мыслям и чувствам, тогда человек открывает новый фронт, чтобы сражаться с этими нападками гордости. Так он старается приобрести добродетель воздержания, которая была бы чужда страсти тщеславия и оставалась бы добродетелью нетщеславной.

¹ О восьми лукавых духах // Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 130.

² Преподобный Авва Дорофей. Поучение 15. О Святой Четырнадцатнице // Душеполезные поучения. СТСА, 2007. С. 180–186.

Но легко ли этого добиться? Нетщеславная добродетель — это зачастую неуловимая птица. Так представляет дело и преподобный Иоанн Синайский в своей «Лествице». Как солнце, пишет он, светит и испускает повсюду свои лучи, так и тщеславие присутствует везде и во всякой добродетели¹. И объясняет: «Тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить — побеждаюсь тщеславием, замолчу — и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, всё один рог станет вверх»².

К этому выводу приходит и преподобный Нил Синайский, когда отмечает: «Тяжек бес тщеславия, ибо и то, что ты делаешь, чтобы его избежать, это самое делается началом нового тщеславного помысла»³.

Этот факт подтверждается всегда, когда приобретается какая-либо добродетель. И это приводит святоотеческого человека к убеждению, что «тщеславие — это безумная страсть и что она легко примешивается

¹ См.: «Всем без различия сияет солнце, а тщеславие радуется о всех добродетелях» (Слово 22. О многообразном тщеславии, гл. 5 // *Преподобный Иоанн Синайский. Лествица*. СТСЛ, 2008. С. 190).

² Там же.

³ Сочинение, из которого взяты эти слова, получило распространение под именем прп. Нила Синайского, но принадлежит Евагрию Понтийскому. Рус. пер.: *Евагрий Понтийский. Аскетические и богословские творения*. М., 1994. С. 101.

к каждому доброму делу»¹. Где есть добродетель, там же произрастает и незванное тщеславие, чтобы обмануть подвижника и сделать бесплодным его подвиг.

Чтобы избежать этой опасности, с которой связана какая-либо добродетель, преподобный Максим советует своим ученикам оставить эту добродетель и упражняться в другой, нетщеславной. Приводя слова Господа, сказанные Его ученикам: *когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой*², он говорит: «Если бесы гонят нас из одного из этих городов, внушая нам в этом виде аскезы гордость или тщеславие, то нам, дабы не впасть в высокомерие, следует отступить от такого поведения, кажущегося чрезвычайно строгим, бежать под покров иной добродетели, где еще нет тщеславия, и поступать так, пока не придет логос бесстрастия»³. Когда подвижник достигнет, по благодати Божией, земли бесстрастия, только тогда он может приобрести какую-либо добродетель и не тщеславиться этим. Но в любом случае постоянным аскетическим правилом для него является неусыпная готовность избегать тщеславия, пока ему не будет дано дарование бесстрастия.

¹ Ср.: О восьми лукавых духах // Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. С. 130

² Мф. 10, 23.

³ *Преподобный Максим Исповедник. Вопросы и недоумения.* С. 132–133.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК:
ОТ ПОБЕДЫ НАД ГРЕХОМ
К НОВОМУ ТВОРЕНИЮ**

Глава первая

**ПОБЕДА СВЯТООТЕЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА
НАД ГРЕХОМ**

1. Смерть греха в Крещении

Каждый человек, погружаясь в священную купель таинства Крещения, становится причастником смерти Христовой. Он крещается в смерть Христову, как об этом пишет христианам Рима апостол Павел в своем знаменитом послании: *все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились. Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху*¹.

В таинстве Крещения, в трехкратном погружении в святую воду купели, наше ветхое грешное Я сораспинается со Христом и унаследованный от Адама грех умирает. Это значит, что грех умерщвляется, а крещеный верный избавляется от рабства греху. Получается,

¹ Рим. 6, 3–6.

что этот верный больше не может грешить. Апостол Павел высказывается ясно и радикально: *нам не быть уже рабами греху*. Таким образом, мы не можем уже быть в рабстве у греха, поскольку *тело греха*¹ внутри нас мертво. Поэтому апостол Павел высказывает римлянам свое недоумение: *мы умерли для греха, как же нам жить в нем?*²

•••

Этот тезис апостола Павла был, конечно, принят отцами Церкви³. Однако христианам, особенно подвижникам пустыни, приходилось многократно убеждаться, что грех, умерщвленный в Крещении, продолжает угрожать верующему, а часто и торжествует над ним, как будто всё еще имеющий над ним власть. Ведь таинство Крещения не избавляет от склонности ко греху. Наверное, по этой причине и апостол Петр счел нужным особо подчеркнуть:

¹ Рим. 6, 6 (в переводе еп. Кассиана (Безобразова)).

² Рим. 6, 2.

³ «Мы умерли для греха: как же нам жить в нем? (Рим. 6, 2) Что значит — умерли? ... Что же значит — сделаться мертвым для греха? Ни в чем более не слушаться его. Хотя крещение и совершило это однажды, то есть умертвило нас для греха, но далее мы сами должны постоянно и со всем нашим прилежанием совершенствоваться так, чтобы не слушаться греха, что бы он ни приказывал нам, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу» (Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на послание к Римлянам. Беседа 10. // Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста в 12 томах. Т. 9, кн. 2. М., 2003 (репринтное воспроизведение издания: СПб., 1902). С. 599–600).

«Итак, если ты умер в крещении, оставайся мертвым, потому что всякий умерший не может уже грешить; а если ты грешил, то уничтожаешь дар Божий. Так и вы, говорит, *почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога* (Рим. 6, 11)» (Беседа 11). — Прим. автора. — Там же. С. 607–608.

*трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить*¹. И апостол Павел советует римлянам: *итак, да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его*². И колоссянам он пишет: *если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, учитесь?*³

Следовательно, если христианин принимает решение очиститься от тлетворных воздействий греха, то сила греха должна быть окончательно умерщвлена. Унаследованная склонность ко греху и произволение христианина — вот два фактора, которые определяют его отношения с умерщвленным грехом. В действие этих двух факторов вмешивается вдобавок и враг рода человеческого. Это может способствовать оживанию греха вплоть до того, что он снова *воцаряется* в человеческой душе. Это обстоятельство побуждает христианина — в условиях постоянной угрозы со стороны греха захватить власть над его духом, душой и телом — строить свою жизнь, беря пример со святых отцов.

2. Святоотеческий человек умерщвляет грех

Для святоотеческого человека наиболее характерно то, что он умерщвляет в себе всю экзистенциальную динамику ветхого человека. Он подвизается умертвить все те «живые» и динамические центры

¹ 1 Пет. 5, 8.

² Рим. 6, 12.

³ Кол. 2, 20. Синодальный перевод дан с одним изменением: последнее слово в цитате — наш перевод слова *δογματισμοί*.

своего психосоматического организма, которые чувствительны и податливы к воздействиям лукавого духа. Поэтому, чтобы обезопасить себя от греха, он старается приобрести самосознание аскетического самоумерщвления. «Ибо как спящий и мертвому уподобляется, и жив есть, — первое по телу, а второе по действию души, — так и в духе пребывающий является мертвым для плоти и мира, а мудрованием духа жив бывает»¹, «становясь самовольным мертвецом [для мира], по словам [Псалмопевца]: *Тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся, яко овцы закления*»²³.

•••

Эта смерть святоотеческого человека является животворящей силой, поскольку зачинает и вынашивает в себе динамику воскресения, как об этом говорит преподобный Макарий Египетский: «Истинная смерть — внутри, в сердце, и она сокровенна; ею умирает внутренний человек. Посему если кто перешел от смерти к жизни сокровенной, то он истинно вовеки живет и не умирает»⁴.

•••

Святоотеческий человек упорен в своих усилиях умертвить не только внутренние греховные движения, но и чувство удовлетворения от духовных успехов.

¹ *Феофан Филадельфийский*. Слово о сокровенном делании в 9 главах. Гл. 5 // *Добротолюбие*. Т. 5. СТСЛ, 1992 (репринтное воспроизведение издания: М., 1900). С. 177.

² Пс. 43, 23.

³ *Преподобный Максим Исповедник*. Толкование на молитву Господню // *Творения*. Кн. 1. С. 199.

⁴ Беседа 15, гл. 37 // *Преподобный Макарий Египетский*. Духовные беседы. С. 164. См. также: *Ин.* 5, 24.

Это упорство объясняется одним удивительным обстоятельством, с которым сталкивается только подвижник, просвещенный Святым Духом. Что же это за обстоятельство? Это сопребывание в человеке и греха, и благодати.

Преподобный Макарий отмечает: «Если и упокоивается кто в благодати, доходит до тайн и до откровений, до ощущения великой благодатной сладости, то [даже и в таком случае] грех сопребывает еще внутри него»¹. Однако многие духовные подвижники из-за того, что обильно вкушают Божественную благодать, считают, что они уже совершенные христиане и свободны от греха. Но они ошибаются, потому что забывают о еще существующем в них грехе, когда устремляют свою мысль к действию Божественной благодати.

•••

Преподобный Иоанн Карпафийский (творение которого вошло в «Добротолюбие») исповедует опыт своих отношений с грехом или, скорее, с виновниками греха — бесами. Ведь они только и выжидают удобного случая, чтобы как-нибудь поразить того, кто подвизается в приобретении евангельских добродетелей. Он отмечает, что духовный подвижник, вступивший в противоборство с бесами ради приобретения воздержания или иной какой-либо добродетели, примет от них такие жестокие нападки, «что даже в безнадежие придет» и достигнет пределов смерти,

¹ Беседа 8, гл. 5 // Там же. С. 104.

«вынужден бывая взывать: *кто меня избавит от этого тела смерти?*¹ Потому что враг против воли заставляет меня повиноваться законам своим»².

•••

Последние слова преподобного Иоанна Карпайского показывают, что чем выше восходит духовный подвижник в сферы трезвенного созерцания, тем сильнее с ним воюют бесы. Из этого следует, что подвижник должен прилагать непрестанные и неусыпные усилия, чтобы *умертвить* греховные движения в своем психосоматическом организме.

Страдания, связанные с таким умерщвлением, — зачастую их можно уподобить страстям Креста Христова — многочисленны и разнообразны. Далее мы приведем примеры некоторых из них.

•••

Плач. Для святоотеческого человека плач — это плод его самоумерщвления. Святоотеческий человек признается: «Я, грешный, должен плакать до тех пор, пока Господь не направит мое сердце ко благу и я стану достоин оказывать послушание святым отцам»³. Плачущий помнит о смерти, потому что умер

¹ Рим. 7, 24.

² К монахам, находящимся в Индии. Гл. 64 // Добротолюбие. Т. 3. С. 93.

³ Житие прп. Пахомия Великого // ВЕПЕС 40, 247, 29–30. Слова принадлежат прп. Феодору Освященному, ученику прп. Пахомия. Рус. пер.: Хосроев А.Л. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб., 2004. С. 223.

для всего земного¹. Он проводит свою жизнь «как почти уже умерший и омертвевший для мира, считая себя самым последним и самым грешным из всех людей»². Плач часто сопровождается горячими слезами. Слезы порождаются правильным плачем. «При сокрушенном же сердце исторгаются слезы»³. Они свидетельствуют о сокрушении, к которому приводит плач.

Злострадание. Подвижник, имеющий святоотеческий образ мысли, знает, что кроме добровольного страдания, которое необходимо для очищения души, он должен принимать и невольное страдание, посылаемое диаволом. Оно случается внезапно, от всевозможного вреда и всяческих болезней. Ведь если душа не пройдет сквозь горнило вольных и невольных страданий, она не сможет успешно справиться с разнообразными искушениями.

Опыт учит подвижника, что смирение и злострадание освобождают человека от всякого греха. Первое освобождает от страстей душу, а второе освобождает от страстей тело.

Вообще, в мире духовного подвижничества действует правило преподобного Ефрема Сирина: «Трудясь, потрудись с трудом, дабы избежать трудностей напрасных трудов»⁴.

¹ См.: «Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть» (Слово 6. О памяти смерти, гл. 21 // *Преподобный Иоанн Синайский*. Лествица. С. 109).

² Ср.: Творения древних отцов-подвижников. М., 1997. С. 42.

³ *Святитель Григорий Палама*. К Старице Ксении, о добродетелях и страстях // *Добротолюбие*. Т. 5. С. 274.

⁴ О правой жизни девяносто глав. Гл. 25. Рус. пер.: *Святой Ефрем Сирин*. Творения. Т. 2. М., 1993. С. 70.

Самоукорение. Самоукорение — это одна из высших степеней смирения. Для святоотеческого человека самоукорение — как непрестанное динамическое дыхание. При этом он всегда удерживает взор ума на своих грехах и падениях. Согласно преподобному Иоанну Лествичнику, мы должны непрестанно осуждать и обвинять самих себя, чтобы добровольным самоуничтожением удалять от нашей души невольные грехи. Когда же, добавляет он, нас убажуют и хвалят бесы за то, что мы живем богоугодно, то и тогда борцом с этим искушением является самоукорение¹.

Святоотеческий человек, несмотря на свои добродетели и духовные победы, считает мерзостью все совершаемые им благие дела². Имея такой образ мыслей, он избегает опасности попасть в ловушку гордости и превозношения. Самоукорение, как крайнее смирение, является непоколебимым основанием нетщеславной добродетели.

Поношение, уничтожение, бесчестие. Святоотеческий человек подвизается, чтобы приобрести крайнее смирение, этот источник духовной нищеты. Он охотно пьет из него поношение, уничтожение и бесчестие, чтобы усвоить себе эти предельные проявления смирения.

¹ См.: Слово 26. О рассуждении. Гл. 8 // *Преподобный Иоанн Синайский. Лествица*. С. 228.

² См.: «Когда же смиренномудрие, сия царица добродетелей, начнет преуспевать в душе нашей духовным возрастом, тогда не только за ничто почитаем наши все добрые дела, но и вменяем их в мерзость». Слово 25. О смиренномудрии, гл. 5 // Там же. С. 213.

И мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом¹. Это великое пророчество Исаии очень созвучно духу святоотеческого человека, который всей своей жизнью стремится участвовать в страстях и крестной смерти Христа.

• *Поношение.* Преподобный Иоанн Синайский отмечает: «Поношение есть омовение душевных страстей»². И преподобный Марк Подвижник утверждает, что «поношение от людей доставляет сердцу скорбь, но становится причиной чистоты у того, кто его терпит»³. А преподобный Макарий Египетский замечает, что поношения происходят от врага рода человеческого, лукавого духа, который старается закрыть врата Царствия Небесного для духовного подвижника.

• *Уничуждение.* Когда люди уничижают человека Божия, это не вызывает у него негодования и порыва отстоять свою правоту. Апостолы Христовы, терпя поношения и уничижения от иудеев и язычников, стали как сор для мира и как прах, всеми попираемый⁴.

¹ Ис. 53, 3–4.

² Слово 8. О безгневи и кротости, гл. 25 // Преподобный Иоанн Синайский. Лествица. С. 129.

³ См.: Преподобный Марк Подвижник. Нравственно-подвижнические слова. С. 14.

⁴ 1 Кор. 4, 13.

Они терпели это ради награды на Небесах. Так и человек Божий принимает всякое уничижение и осмеяние, зная, что они доставляют ему небесные венцы. Поэтому преподобный Иоанн Лествичник советует каждому духовному подвижнику: «Пей на всякий час поругания, как воду живую»¹. И повторяет: «Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством, очищающим от блудной похоти; ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоём»².

• *Бесчестие*. Когда люди подвергают кого-либо бесчестию, они поступают очень жестоко, ибо коварно стремятся поразить человека в самую глубину души, опустить его на самое дно стыда и позора. Но святые отцы, говоря о трудностях, с которыми сталкивается подвизающийся христианин, рассматривают бесчестие как совершенно приемлемое средство, необходимое для очищения человека от грехов и страстей. Так и преподобный Иоанн Лествичник говорит о выгоде бесчестия, когда объясняет, что оно, вместе с другими подобными искушениями, является очистительным напитком, открывающим врата Царствия Небесного³. И в другом месте отмечает: «Когда бесчестие падает на одних нас, должно молчать, ибо это время духовного приобретения»⁴.

¹ Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании. Гл. 36 // *Преподобный Иоанн Синайский*. Лествица. С. 63.

² Слово 4. Гл. 85 // Там же. С. 75.

³ Слово 2. О беспристрастии. Гл. 8 // Там же. С. 34.

⁴ Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании. Гл. 122 // Там же. С. 88.

Преподобный Аммон, говоря о разнообразных злостраданиях, которые претерпевает боголюбивый подвижник, также отмечает: «Строго блюди себя, веруя, что многую пользу и спасение для души твоей приносят обиды, поругания и унижения, случающиеся с тобой ради Господа; мужественно переноси их, рассуждая так: “Я достоин и больших страданий из-за своих грехов, а поэтому для меня является великим благом уже и то, что я удостоился пострадать и потерпеть ради Господа. Возможно, что через многие скорби и бесчестия я стану так или иначе подражателем страдания Бога моего”»¹.

•••

Эти немногие примеры подвига самоумерщвления показывают, какой духовной высоты достигает святоотеческий человек. Они свидетельствуют, что он является истинным подражателем и последователем Господа в Его крестном пути на Голгофу.

¹ Творения древних отцов-подвижников. С. 41.

Глава вторая

**ОБНОВЛЕНИЕ СВЯТООТЕЧЕСКОГО
ЧЕЛОВЕКА ВО ХРИСТЕ**

1. Смерть греха в Крещении —
сила для воскресения

Все христиане крещены в смерть Христову, как учит апостол Павел о спасительном и искупительном таинстве Крещения.

В Крещении грех умирает, и это дает возможность человеку в своей духовной жизни уподобляться Христу и созидать в себе образ Его Воскресения. Именно этот смысл имеют слова святителя Василия Великого: «Крещение — это сила для воскресения»¹. Но и апостол Павел имеет в виду воскрешающую силу Крещения, когда сразу после своих слов о спасительном действии этого таинства советует: *так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем*².

¹ Беседа 13-я. Побудительная к принятию Святого Крещения. Ср.: *Святитель Василий Великий. Творения в двух томах. Т. 1. С. 990.*

² Рим. 6, 11.

•••

Крещенный во Христа Иисуса человек должен спасительно уравновесить в своей жизни два средства уподобления Христу: умерщвление греха и сокрытую в этом умерщвлении динамику воскресения. Он должен упорствовать в умерщвлении греха, где бы с ним ни встретился. Но при этом он должен воспользоваться для своего спасения и динамикой воскрешающего, возрождающего и обновляющего действия таинства Крещения. Он не только крестился в животворящую смерть Христову, но и помазался благодатью Святого Духа. И теперь его жизнь должна обогащаться и сиять многообразными дарованиями Святого Духа. Такую картину являет святоотеческий человек своим подлинно новым житием во Святом Духе. Путь его жизни не только крестный, но и воскресный. Он всегда пребывает верным Павлову слову: *о горнем помышляйте, а не о земном*¹.

•••

Святоотеческий человек — это человек небесный. Его духовные подвиги и благодатные приобретения открывают перед ним небесную завесу, чтобы он вкусил опыт святых отцов, который возносит ум к Божественным откровениям и неизреченным таинствам. Благодатные пути, по которым движется его дух, ведут его к небесным изумительным событиям и высоким открытиям. Таинственным образом

¹ Кол. 3, 2.

ему даруются *созерцание, трезвение, выход за пределы ограниченного человеческого бытия*¹, *прозорливость и предвидение*. А вместе с этим — и другие благодатные восхождения к умопостигаемым и Божественным сущностям Небесного мира.

•••

Созерцание. Согласно преподобному Максиму Исповеднику, подобно тому, как человек состоит из души и тела в их единстве, точно так же и мудрость, духовное ведение, состоит из *делания и созерцания* в их единстве². Вход в сферу *созерцания* (в двух смыслах этого слова — практическом (жизненном) и возвышенном (теоретическом)), обретение небесного опыта — всё это обогащает ум святых отцов божественным ведением. Святоотеческий человек начинает свой подвиг с практики. Он подвизается в том, чтобы изо всех своих сил исполнять евангельские заповеди. Практический опыт осуществления заповедей в своей жизни возводит, возвышает человеческий ум к *созерцанию*, к видению неизреченных таинств, и даже к созерцанию Святой Троицы.

Преподобный Максим говорит, что христианин предстает любомуудрствующим в трех основных проявлениях своей духовной жизни: в исполнении заповедей, в исповедании догматических истин Церкви

¹ ἔκστασις

² PG 90, Col. 1344. См. 33-ю схолию к 64-му Вопросоответу к Фалассию.

и в осуществлении веры в своей жизни¹. А в другом месте² он отмечает, что любовь — это путь истины, которая есть Христос. Идущих по пути любви Сам Христос представляет Богу Отцу чистыми от всякой страсти и всякой грязи греха. Так Он ведет их к созерцанию Бога Отца и они становятся зрителями, вернее, боговидцами неизреченной красоты Святой Троицы.

•••

Также и Авва Филимон в «Добротолюбии» отмечает, что человеку даруется созерцание, когда он делается причастным нетварным энергиям Божиим: «Чем больше умножается наша праведность, тем больше возрастает духовное возмужание; и наконец, ум, в совершенство пришедши, весь прилепляется к Богу и осиявается Божественным светом — и ему открываются неизреченности таинств»³.

•••

Трезвение. Преподобный Филофей Синайский в «Добротолюбии» подчеркивает, что *трезвение* — это путь созерцания небесных вещей. Он замечает, что внимание и молитва, сочетаемые вместе каждый день, похожи на огненную колесницу пророка Илии,

¹ Главы о любви. Четвертая сотница, 47 // *Преподобный Максим Исповедник. Творения.* Кн. 1. С. 139.

² Послание к Иоанну Кубикуларию о любви // Там же. С. 151.

³ Многополезное сказание об Авве Филимоне // *Добротолюбие.* Т. 3. С. 373.

потому что поднимают на высоту Небес ум того духовного подвижника, который с любовью к Богу упражняется во внимании и молитве¹. И далее преподобный Филофей добавляет: «Кто достиг трезвения или старается достичь его, у того блаженное² сердце содельвается мысленным Небом со своим солнцем, луною и звездами и бывает вместилищем невместимого Бога посредством таинственного созерцания и восхождения»³.

Выход за пределы ограниченного человеческого бытия. Преподобный Григорий Синаит связывает умную молитву, молитву сердца, с *выходом за пределы ограниченного человеческого бытия*, с восхищением ума к Богу, к Небесным сущностям⁴. Когда сердце приобретает умную молитву, эта молитва очищает душу от страстей. Только очищенный от страстей ум может таинственно совершать священнодействие этой молитвы как всецелое приношение души Богу. Особенно же *безмолвие*⁵ ума, очищенного

¹ См.: 40 глав о трезвении // Добротолюбие. Т. 3. С. 414

² В некоторых рукописях — «чистое».

³ См.: Там же.

⁴ См.: «Начало умной молитвы есть очистительное действие или сила Духа Святого и таинственное священнодействие ума, как начало безмолвия — упразднение от всего или беспечение; середина — просветительная сила [Духа] и созерцание, а конец — изступление или восторжение ума к Богу» (Главы весьма полезные. Гл. 111 // Добротолюбие. Т. 5. С. 204).

⁵ ἡσυχία

от всякой грязи, способной затемнить ясность духовного зрения, делает ум свободным и светозарным. И, отрывая его от земли, выводит его за пределы ограниченного человеческого бытия, к созерцанию неизреченных таинств Божиих. Речь идет о восхищении ума в Небесные сферы Божественного присутствия. Движущей силой в этом является любовь к Богу, любовь к красоте неизреченной и подлинно желанной. Эта любовь изливается также и на ближнего. Действительно, совершенная любовь духовного подвижника к Богу и вместе с тем к ближнему помогает ему приобрести опыт выхода за пределы ограниченного человеческого бытия. Она возносит его ум на высоту созерцания нетварных энергий Божиих.

•••

Прозорливость. Преподобный Никита Стифат отмечает¹, что Дух Святой подает особые дарования тем духовным подвижникам, которые совершенствуются в бесконечном совершенстве совершенных, приобретают многообразный духовный опыт и достигают созерцания Небесных вещей. Такие духовные подвижники, деятельные в своем подвиге и совершившие чудесные богоугодные дела, стали *прозорливыми* мужами. Они подвизались в добродетели рассуждения, и своим чистым умом, по просвещению

¹ См.: Преподобный Никита Стифат. 3-я сотница умозрительных глав. Гл. 23 // Філокаліа. Т. Г'. Αθήναι, 1991. Σ. 354.

от Святого Духа, предвидели события и опытно познали, что́ такое совершенное состояние души. У них был дар предвидения и проницательности.

•••

Это скудное описание исключительных дарований и небесного опыта святых отцов Церкви дает нам небольшое представление о лучезарном свете их благодатной жизни. Оно показывает нам удивительную чистоту нового во Христе человека. Но такой духовной высоты святые достигли не потому, что Бог был к ним равнодушен и наделил дарами без их собственных трудов, потов и слез. Ведь Он видел их подвиги и неуклонное шествие по пути Истины, которая есть Христос, и вознаградил их труды, мученичество и крестную жизнь. Их духовный подвиг показал, что они достойны *почести высшего звания*¹. Они подвизались законно и выполнили евангельские условия приобретения этой почести: *если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться*².

Святые отцы не вверяли свое спасение своей *фантазии*. Напротив, они воевали со своей фантазией и извергли ее из своего освященного ума. Они не были фантастическими христианами. Они были и есть — всегда и везде — богоносными мужами, таинниками Святого Духа, земными ангелами и достойными свидетелями славы Святой Троицы.

¹ Флп. 3, 14.

² 2 Тим. 2, 5.

2. Постоянное живое присутствие святоотеческого человека в жизни Церкви

Присутствие святоотеческого человека в Церкви очень заметно на протяжении всей ее истории. Святые отцы наложили неизгладимую печать на всю многообразную жизнь и спасительное дело Церкви. Уже по одной этой причине мы не смогли бы представить себе период или время церковной жизни без живого деятельного присутствия святоотеческого духа. Этот дух действительно присно сияет на протяжении всего пути Церкви в истории мира. Святые отцы приняли многообразное деятельное участие:

- в жизненном благодатном восприятии богооткровенной истины о спасении мира во Христе;
- в боголюбивом и во Святом Духе истолковании своей жизнью Евангелия Христова;
- в развитии богословия Церкви и научении ему народа Божия;
- в закладке основ и созидании Православия Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви;
- в составлении и упорядочивании разнообразных тем в богослужении;
- в создании и благодатном обогащении церковной гимнографии;
- в организации церковного управления и в формулировании священных канонов для нужд пастырского служения;

- в созыве во Святом Духе Вселенских и поместных соборов;
- в победоносной борьбе с ересями и чуждыми учениями внутри Церкви и вне ее;
- в созидании благодатного пространства церковных Таинств;
- в обогащении науки о духовной жизни великим множеством богодухновенных писаний.

3. Постпатристическое богословие — измена Святому Духу

В наши дни в богословии некоторых клириков и мирян стал особенно заметен антисвятоотеческий дух. Главный пункт их критики святоотеческого богословия состоит прежде всего в том, что с течением времени оно якобы обесценилось и сделалось в нашу эпоху неэффективным и ненужным. Причиной этого они считают прогресс науки и технологии, а также большие социальные перемены, особенно — глобализацию, а точнее, возникновение массового общества¹.

Активные представители альтернативного богословия, отказываясь, а вернее отбрасывая неизменный авторитет святоотеческого слова, отвергают присутствие Святого Духа в жизни Церкви и сами

¹ Массовое общество — современное общество, пришедшее в XX в. на смену традиционному обществу в результате социальных преобразований, вызванных модернизацией (прежде всего урбанизацией, развитием СМИ и т.п.). В массовом обществе уменьшается роль осознанного личного

занимают Его место, как единственные вершители судеб нашего богословия¹. Они становятся «преемниками» Утешителя, Духа Истины, и требуют революционных изменений в системе принципов христианской веры. Они, словно воплощенные Вселенские соборы, своевольно пропускают сквозь «мудрое» сито своего духовно-обезвоженного ума все, что происходит в Церкви².

•••

Однако, несмотря на все эти попытки, дух и слово святых отцов, их учение и богодухновенный авторитет их писаний, составляющих для Православной Церкви священный залог истины, останутся нерушимыми всегда, на все времена. Именно это утверждает преподобный Максим Исповедник, говоря, что слово Евангелия Христова, которое воплотили в своей жизни святые отцы и которое в последующие времена

выбора, люди приобретают стадный менталитет, расширяются возможности манипулирования их волей, обычно с помощью особых механизмов внушения им «сигналов» (например, с помощью телевидения), исполнение которых служит на самом деле частным интересам. Массовое общество характеризуется разрывом межчеловеческих связей, глубинной обособленностью людей, утратой ими прочных нравственных ценностей.

- ¹ Антисвятоотеческий дух наших дней, который можно заметить в церковной и богословской среде, не является неожиданным новоявленным недугом нашего церковного тела. Это отголосок старых экуменических настроений, которые продолжают разделять некоторые богословствующие клирики и миряне. — *Прим. автора.*
- ² Большинство экуменически богословствующих клириков и мирян, почитателей теории постмодернизма, занимают антисвятоотеческие позиции, не обладая достаточной

воплощают их преемники, «всегда молодо, поскольку всегда является действенным. Ибо благодать никогда не стареет»¹. Оно всегда ново и современно, поскольку истина Евангелия всегда жива, всегда истинна и современна. Евангелие Христово не устаревает. Устаевают только те самонадеянные люди, которые сами себя выставляют единственными компетентными распорядителями истины Христовой. Они забывают, будучи помрачены в глубине своих помыслов, что *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же*².

подготовкой в святоотеческом богословии. Многие из них не дали себе труда даже просто прочитать писания святых отцов. Они отвергают их огульно, не читая. Похоже, что это имеет свою предысторию: «Старец сказал: “Пророки написали богодухновенные книги. Наши отцы исполнили в своей жизни то, что было сказано в этих книгах. Те же, кто пришел после наших отцов, из благоговения выучили эти книги наизусть. А наше поколение красиво их переписало и поставило их на полки в библиотеках, совершенно не воспользовавшись ими для духовной пользы”» См.: *Εὐεργετικὸς*. Т. 4, тема 15. — *Прим. автора*. — Рус. пер.: Благолюбие. Т. 3 и 4. С. 552.

¹ Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия. Сотница 1, гл. 89 // PG 90, Col. 1120. См.: *Преподобный Максим Исповедник*. Творения. Кн. 1. С. 231.

² Евр. 13, 8.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

У так, вы, делами показавшие свою твердую и непоколебимую веру во Христа, тщательно обдумайте то, что я сказал вам, и со всем вниманием рассмотрите, не обманываетесь ли вы, думая, что имеете в себе Христа, тогда как ничего не имеете и находитесь в опасности перейти из сей жизни с пустыми руками, из-за чего услышите страшный тот глас, говорящий: «Сей лукавый раб думает, что у него нечто есть, но заберите у него это и дайте тому, кто имеет больше»¹.

Тогда возрыдаете и восплачете и вечную воспримете скорбь. Но да не случится нам услышать такой глас и пережить нечто подобное — нам, которые в час божественного Крещения отреклись от диавола и всех дел его и сочтались Христу, дав обет хранить заповеди Его.

Постараемся же сохранить божественные заповеди и очистить свои сердца слезами и покаянием, дабы узреть Самого Христа — сей свет Божественный,

¹ Ср.: Мф. 25, 28.

и дабы стяжать Его еще здесь, в настоящей жизни, чтобы Он поселился в нас, чтобы животворил Он наши души благодатью Всесвятого Духа и питал их сладостью чаемых благ Царствия Своего. Аминь¹.

Преподобный Симеон Новый Богослов

¹ Слово девятнадцатое // Творения. Т. 1. С. 204. Перевод свт. Феофана Затворника цитируется с некоторыми изменениями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**КРАТКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ТАБЛИЦА ЧЕРТ
ФАНТАСТИЧЕСКОГО ХРИСТИАНИНА
И СВЯТООТЕЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА**

	ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН	СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
1	Его христианское самосознание по большей части подчиняется влиянию и требованиям мирской жизни.	Его духовное самосознание вдохновлено Евангелием и Святым Духом. Его интересует сущность церковных обрядов, он старается быть верным евангельскому слову.
2	Его экзистенциальная ориентация по преимуществу экстравертна. Свое будущее он представляет и выстраивает под определяющим влиянием окружающего его мира.	Его основная духовная забота — быть в непрестанном диалоге с внутренним грешным человеком, для того чтобы умертвить в себе грех и свое греховное произволение.
3	Его внимание к своему внутреннему миру существенно ослаблено из-за его экстравертной ориентации, что означает бедность внутреннего душевного опыта.	Сосредоточивает свой интерес и свои усилия не только на очищении своего грешного Я (ибо это чревато духовными недугами), но одновременно стремится приобрести опыт возрождения во Христе.
4	Мера и «качество» его веры определяются его собственной фантазией об этом.	Компасом в его жизни по Евангелию является воля Божия. Он подвизается в том, чтобы его воля стала неотличимой от воли Божией.

	ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН	СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
5	Его участие в церковной жизни может быть активным или скромным. Преобладает у него при этом обрядоверие, тогда как к сущности всего того, что совершается в Церкви, он равнодушен.	Свое спасение он понимает как уподобление Христу, как доброе изменение во Христе для приобретения обожения по благодати.
6	В его душе стабильно господствует принцип: духовная жизнь должна быть беспечальной. Этот принцип и устанавливает границы для его интереса к подвижничеству — к жизни по вере и освящению.	Всю свою жизнь он проживает в молитве, согласно заповеди апостола Павла: <i>непрестанно молитесь</i> ¹ .
7	Приступает к таинствам исповеди и Божественного Причащения, так как согласен с мнением, что «это идет на пользу».	Пребывает в трезвении и бодрствовании. Всегда готов отражать нападения вражеских бесовских сил.
8	Верует в Бога, пока его мирская жизнь протекает без скорбей и испытаний. Но как только Бог начинает испытывать его несчастьями, он сразу впадает в тязбу с Богом.	Добровольно шествует по узкому пути скорбей и всяческих испытаний, желая следовать по стопам Христа на Его крестном пути.

¹ 1 Фес. 5, 17.

	ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН	СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
9	Остается узником вещественного и мирского образа мыслей и поэтому предпочитает истолковывать события человеческой жизни с точки зрения рационализма.	Ведет непрестанный диалог с Богом. Ведь, наученный Богом, он ожидает услышать и принять волю Божию о своей жизни и готов осуществить ее на своем духовном пути.
10	Свои уклонения от евангельской истины он оправдывает правом самому определять, как ему жить. Делая тот или иной выбор, он руководствуется чувством автономии собственного существования.	Всегда дышит чистым воздухом Царства Небесного. Надежда на это Царство является для него компасом на пути к обожению по благодати.
11	Раздельное мышление (компартаментализация) делает для него удобным любой его выбор. При этом, однако, он впадает в явный конфликт с евангельской истиной, но его совесть этого не видит, ибо его фантазия сделала ее слепой.	Он надеется, что просвещение от Святого Духа приведет его к познанию самого себя. Его крайнее смирение, благодаря опыту «я — ничто», равняет его с землей. «Я не знаю в себе ничего доброго» ¹ . Он постоянно замечает свои грехи

¹ Здесь автор цитирует слова блаженной Тарсы, Христа ради юродивой, которую он лично знал и с которой часто общался. Она постоянно говорила: «Я — ничто. Я ничего не знаю».

	ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН	СВЯТООТЕЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
		<p>и провинности и отвергает любые движения души, которые побуждают его признать, что он уже святой или что стяжал какую-либо добродетель.</p>
<p>12</p>	<p>Фантастическим христианином владеет чувство экзистенциальной неуверенности в безопасности. В этом человеке сокрыты неверие в милость и любовь Божию, а также осозанный или неосозанный внутренний разлад из-за его двоедушия, порожденного его одновременной жизнью и в Церкви, и в миру. Поэтому он испытывает чувство неуверенности в безопасности, как это свойственно мирскому человеку.</p>	<p>Старается любить своего ближнего и по возможности пребывать с ним в мире. Подвизается в том, чтобы признавать себя ниже всех людей.</p>
<p>13</p>	<p>Бойтсся смерти. Переживает тревогу из-за неизвестности, каков будет конец его существования.</p>	<p>Память смертная — это его ежедневный хлеб, который укрепляет его в трудном шествии по узкому и скорбному пути сквозь тленную повседневность.</p>

ИЕРОМОНАХ АЗАРИЯ

**ИОАНН КОРНАРАКИС,
УЧИВШИЙ
О СВЯТООТЕЧЕСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ**

...

А венадцатого июля 2013 года тихо и достойно оставил временное и преходящее выдающийся ученый, украшение богословского факультета Афинского университета, профессор кафедры пастырской психологии Иоанн Корнаракис, перейдя в вечную и нетленную жизнь Царства Божия, к которому всегда были устремлены его мысль и вся жизнь.

Мы искренне осознаем свою слабость и недостойность, чтобы найти слова, соответствующие высоте и глубине души не только крупного богослова и истинного христианина, но и исповедника православной веры в наши тяжелые времена. Однако большая благодарность ему побуждает нас написать эти убогие строки, чтобы выразить из глубины сердца наше беспредельное почтение и горячую признательность за то бесценное духовное богатство, которым он нас наделил. Мы беремся за эту статью, как если бы с благоговением взялись за чётки, чтобы помолиться об упокоении многоуважаемого и возлюбленного нашего учителя.

Мы не станем утруждать читателя хронологией его многотрудной и подвижнической жизни и подробностями биографии. Мы, его ученики, ставшие в итоге, если можно так сказать, и его духовными чадами, лишь желаем поделиться некоторыми воспоминаниями о нем. Ведь, хотя с помощью Божией после Афинского университета мы отправились в монашеский университет Пустыни, мы всегда сохраняли с ним связь как с учителем и всегда спрашивали его совета.

Около тридцати пяти лет назад в одном афинском книжном магазинчике некий школьник с любопытством рассматривал книги. На одной из полок он наткнулся на небольшую книжку Иоанна Корнаракиса с удивительным названием «Опыт Пустыни согласно Добротолюбию». Он взял ее в руки и с интересом начал листать. Первое, что он прочитал, открыв ее, был святоотеческий отрывок: «Познать самого себя — это цель делания добродетелей»¹. Затем на первых страницах этой книги он прочитал: «Действительно, практическое изучение святоотеческих аскетических текстов может принести большую пользу в наше время. Польза эта состоит в реорганизации души и в достижении внутреннего единства личности христианина, который пожелал бы подлинно осуществлять в своей жизни веру

¹ Преподобный Никита Стифат. Три сотницы практических, естественных и гностических глав. 2-я сотница, гл. 35 // *Φιλοκαλία*. Τ. Γ'. Ἀθήναι, 1991. Σ. 306. Ср. русский перевод: *Добротолюбие*. Т. 5. СТСА, 1992 (репринтное воспроизведение издания: М., 1900). С. 121.

во Христа»¹. Словосочетания «практическое изучение», «достижение внутреннего единства личности», «подлинно осуществлять в своей жизни» школьник встретил в первый раз, и они произвели на него большое впечатление, ибо он уже начал с экзистенциальным беспокойством отрочества задаваться вопросами о глубинах человеческой души и искать, в чем состоит жизнь во Христе.

Он продолжил чтение и начал понимать, что всё это касается той экзистенциальной глубины христианской жизни, которая была ему неизвестна. Итак, в то зимнее утро он неожиданно оказался перед огромным духовным сокровищем, от которого уже не мог отказаться.

Пожилой господин, который рядом что-то искал на полках этого христианского книжного магазина, посмотрел на школьника и сказал ему: «Дитя мое, эта книга сложна для твоего возраста». Однако школьник уже нашел мёд, который переполнял духовные соты подлинной православной аскетики профессора И. Корнаракиса. Без всяких колебаний он купил эту книгу и убежал.

Это была моя первая благословенная встреча с приснопамятным профессором Иоанном Корнаракисом, за которую я благодарю Бога.

В дальнейшем я разыскал и другие его книги. Вторая прочитанная мною книга — это «Отражения святоотеческой Пустыни в современном мире».

¹ *Κορναράκης Ι.* Φιλοκαλικά θέματα έρημικής έσωτερικότητας. Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 8.

И я снова пережил изумление, читая: «Кто убегает от самого себя, тот умножает свою внутреннюю раздробленность и безжалостно загоняет себя в изнурительную безысходность. Напротив, кто соглашается войти в свою “сокровищницу”, вернуться к самому себе, тот открывает тайную тропинку к достижению единства, к душевной и духовной гармонии. А за всем этим он созерцает непостижимые и неопишуемые таинства, ибо “познавшему самого себя дается познание всех вещей”¹»².

В то время я жил в пригороде Афин. Разыскав среди своих соседей ребят, которые уже были студентами богословского факультета Афинского университета, я попросил их взять меня с собой, чтобы увидеть и услышать профессора И. Корнаракиса, который недавно перешел туда из Фессалоникийского университета. Итак, мы отправились.

В первый раз попав в университетскую аудиторию, я, тогда еще школьник, с благоговением и удивлением слушал и смотрел на университетского профессора, автора «Опыта Пустыни». Большое впечатление на меня произвело то, с какой глубиной он раскрывал смысл своего предмета, а вместе с тем серьезное и естественное выражение его лица и все черты его характера. Впоследствии, уже студентом,

¹ Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. В русском переводе — Слово 74: «Кто познал себя, тому дается ведение всего». СТСЛ, 2008. С. 444.

² *Κορναράκης Ι. Ανταύγειες τῆς πατερικῆς ἐρήμου μέσα στὸ σύγχρονο κόσμο. Ἀπὸ τὸν Ἀλπέρ Καμὺ στὸν Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τὸ Σύρο. Θεσσαλονίκη, 1982. Σ. 25.*

я понял, что он жил в согласии с тем, чему учил. Несдержанность и чрезмерность в радости и печали — это признаки невротического поведения. Духовно зрелый человек со здоровой психикой проявляет и выражает себя уравновешенным поведением, без бурных проявлений радости или печали.

Его облик, его интонация приковывали к себе внимание слушателя. Он говорил всегда серьезно, спокойным голосом, не желая производить поверхностных эмоциональных впечатлений. Строй и выразительные средства его речи были всегда спокойными, выверенными и очень ясными. В его речи — письменной и устной — не было ничего малозначащего и поверхностного. Не было ничего лишнего, никаких громких и красивых слов, которые можно было бы пропустить без ущерба для смысла. Так было, когда он говорил и о самых серьезных вещах, и о самых простых.

Наш учитель ничего не говорил и не писал для того, чтобы вызвать восторг и похвалу своих слушателей и читателей. Однажды, во время какой-то дискуссии, когда после его доклада к нему подошли слушатели выразить свое восхищение, я понял, как он следил за собой, чтобы не ощутить какого-нибудь удовлетворения, какого-нибудь чувства скрытого превозношения и тщеславия. Его интересовало другое — осознанное понимание аудиторией его слов и в дальнейшем исправление слушателя, осуществление услышанного в жизни. Как-то он нам сказал: «Часто мне говорят: “Какая замечательная вышла

у вас книга! Она была для меня словно зеркало, в котором я увидел самого себя”, но свою жизнь они менять не пытаются».

Каждая его лекция затрагивала самую глубину души, открывала нам нашу душевную бездну. Мы забывали, что слушаем лекцию для того, чтобы что-то «выучить», чтобы приобрести какие-то «научные знания». Хотя наш учитель и был мирянином, мы слушали его, словно древнего авву, живущего в наше время. Он говорил о тяжком для души грузе вины, об угрызениях совести, которые мы постоянно и тщательно вытесняем в бессознательную область нашей души. И в итоге это вытеснение оказывает абсолютное влияние на то, что происходит в нашей душевной глубине. От этого вытеснения зависит здоровье или болезненность нашего душевного мира и качество нашей духовной жизни во Христе. Мы слушали это, и внутреннее самосозерцание и самоконтроль, словно скальпель, начинали проникать в наши юношеские сердца. Тогда мы забывали о телесном голоде, несмотря на то что обычно эти лекции проходили уже после полудня, — ведь учитель, как было видно по расписанию, не требовал себе удобных часов преподавания. Университетский профессор «Добролюбия» духовно питал студентов преображающей силой своего аскетического учительного слова. И когда после окончания лекции мы покидали аудиторию и расходились по многолюдным афинским улицам, в «современном мире» видели «отражения святоотеческой Пустыни».

Как нам достойно отблагодарить приснопамятного нашего учителя за глубокое психологическое описание и показ подлинного *святоотеческого человека* и *фантастического христианина*? А вместе с тем — и за уроки об иллюзорном искусственном (*идеализированном*) образе нашей души, и об экзистенциальном *крике человека*, который невольно вырывается перед плачевной картиной его подлинного облика. И за рассказ об аскетическом евангельском угодном Богу понуждении себя — вопреки тому понуждению, которое по отношению к нам употребляет дьявол всевозможными способами: страстями и различными бесовскими состояниями. И за удивительные лекции о неврозе как *адамовом комплексе*.

На каждой лекции и семинаре он нам помогал хорошо понять, как устроить нашу духовную жизнь во Христе, основываясь не на болезненных психологических мотивах, но на фундаменте подлинного самопознания и евангельской Истины. Мы приходили в изумление, когда он анализировал различные формы *христианского атеизма* (!) или показывал нам на основании одного из посланий преподобного Макария Египетского, как работать скальпелем аскетического самоанализа и беспощадного испытания себя. В этом послании святой отец говорит, что не следует нам самоуспокаиваться и считать очевидной «цель нашей благочестивой жизни и упования нашей веры»¹.

¹ Преподобный Макарий Египетский. Великое послание. 5.1–5.3. Ср. русский перевод: Духовные слова и послания. Собрание типа I. Святая Гора Афон — М.: 2015. С. 240–241.

Но мы должны внимательно наблюдать: не мотивирована ли наша духовная жизнь «мнением о своей праведности» (здесь профессор особо останавливался)? Он призывал нас вслед за преподобным Макарием быть «любителями истины до конца», познав о самих себе «в сокрушении сердца», что мы «нисколько не достигли того, к чему призваны, и не приобрели совершенства христианской меры»¹.

Он особо подчеркивал отрицательное (невротическое) значение *бегства* от самого себя и прежде всего *вытеснения* нашего подлинного образа в забвение, в бессознательную область нашей психики, и не уставал напоминать нам о психологическом законе: «Все, что вытеснено, мстит».

Когда слушаешь его или читаешь его книги, непроизвольно начинаешь заниматься самокритикой и видишь свой душевный мир глубже, с точки зрения православной святоотеческой духовности и соотнося его с жизненной подлинностью *святоотеческого человека*. Поэтому очень точно сказала ему блаженной памяти старица Тарсо́, Христа ради юродивая (†1989), когда он вместе со своей семьей первый раз посетил ее в хижине, где она жила: «Этот ты, значит, пишешь такие книги, что, читая их, видишь себя?»

Но коль скоро мы упомянули блаженную старицу Тарсо, необходимо сказать, что профессор Корнарakis написал о ней прекрасную книгу-житие. Стоит,

¹ См.: Там же. С. 241.

пользуясь случаем, привести здесь из нее пару фраз, чтобы показать степень его духовной чуткости в постижении святости и смысла жизни во Христе.

«Многие из нас, христиан, часто не понимают того, что Тарсо поняла в самом начале своей духовной жизни: чтобы спасти себя во Христе Иисусе, необходимо отвергнуть самого себя и погребсти себя во умерщвлении Христовом... Как Воскресению Христову предшествовала естественным образом Его крестная смерть, так и у нас каждый наш опыт воскресения может родиться только в результате умерщвления грешного самого себя, и только так мы можем жить духовно “во обновлении жизни”»¹.

Что нам вспомнить об учителе в первую очередь? В пределах одной статьи, пусть и не самой краткой, о каком из всех благословенных угощений рассказать прежде всего — из той нескончаемой духовной трапезы, которую вплоть до своего преставления щедро и неустанно предлагал наш незабвенный профессор?

Для нас были настоящим откровением его уникальные уроки христианского самосознания, и мы от всего сердца желаем, чтобы по отцовским молитвам нашего профессора их продолжил его сын Константин Корнаракис, ставший его преемником на богословском факультете.

Для того чтобы читатель этой статьи получил некоторое представление о глубине и высоте научных трудов принопамятного профессора Иоанна Корнаракиса,

¹ Корναράκης Γ. Ταρσώ, ἡ διὰ Χριστὸν Σαλή (1910–1989). Ἁγίων Ὅρος: Ἱερὸν Κελλίον Ἁγίου Νικολάου Μπουραζέρη, 2004.

можно привести названия некоторых его книг и статей, среди которых были и многочисленные, всегда захватывающие проповеди в храмах. При этом, конечно, наш список далеко не исчерпывает огромной библиографии его трудов.

«Лекции по пастырской психологии», «Лекции о таинстве исповеди», «Библейские психogramмы», «Невроз как адамов комплекс» (диссертация), «Иуда как коллективный архетип вины», «Проживание страсти по учению Священного Писания», «Элементы аскетической психологии», «Структура обмана в проживании греха», «Святоотеческие переживания в одиннадцатый час (из психологии сокрушения)», «Самосознание и святоотеческий “автономный анархизм”», «Кризис монотеизма (психическая раздробленность и духовная жизнь)», «Божественная литургия существования (евангельские картины аскетического реализма)», «Шизофрения или аскеза? (Проблема одного экзистенциального выбора)», «Преображение (анатомия непреображённости)», «Ум во гробе», «Монах — боголюбивый подвижник высоких преодолений», «Терапевтический метод “козла отпущения”», «Разыгранный как драма диалог с самим собой в качестве метода преодоления навязчивых помыслов в жизни аскета» и многие другие.

Его основным духовным занятием было изучение *святоотеческого человека*, подлинного образа истинного христианина в святоотеческой антропологии. Важным результатом этого непрестанного изучения стала его предпоследняя книга «Фантастический

христианин» (с подзаголовком «...в сравнении со святоотеческим человеком. Проблема фантастического христианского самосознания»). Эти название и подзаголовок красноречиво передают основную тему и цель учения приснопамятного профессора Корнаракиса: самопознание как плод истинной самокритики (согласно святоотеческим аскетическим критериям) и подлинность духовной жизни во Христе.

Его исследования фантастической структуры «христианской» личности человека очень глубоки. Они обнаруживают, что причина возникновения этой личности — это наследственная адамова болезнь самообожествления (*и вы будете как боги*¹). А на фундаментальный вопрос: «Как возник *святоотеческий человек* и каким образом он оказался центральным узлом церковного предания?» — сам он дает такой ответ: «*Святоотеческий человек* сошел с евангельских страниц, возник из атмосферы Евангелия Христова вследствие неукоснительного соблюдения евангельского слова в своей жизни»². В этом состоит важный вывод его изучения духовных основ *святоотеческого человека*.

Профессор Иоанн Корнаракис — эпоха в христианской психологии, ибо своим словом и книгами он на основании уникальных и психологически здоровых методов, взятых из аскетики, открыл глубочайшие реальности в христианской жизни и в бездне человеческой души. Окамененное нечувствие нашей совести, преступление против евангельской Истины

¹ Быт. 3, 5.

² См. настоящее издание, с. 87

и пренебрежение ею, компромисс с духом и мудрованием мира сего — всё это привело к тому, что и человеческая душа, и христианская жизнь оказались покрыты вуалью бегства и вытеснения. И результат этого — глубокий и трагический кризис нашей христианской идентичности.

Большую помощь он оказал и духовникам своими лекциями о таинстве исповеди, а также содействием в очень трудных и запутанных случаях, с которыми они сталкивались и по поводу которых с ним советовались. Бывало, кто-нибудь из духовников посылал к нему свое чадо, чтобы профессор мог лично ознакомиться с его проблемой и помочь в ее решении. Но многие христиане и сами советовались с ним и просили его помощи в трудных духовных и психологических обстоятельствах.

На занятиях по пастырской психологии он подчеркивал, что любую психологическую проблему необходимо решать при ее возникновении, до того как она создаст в душе невротические конфликтные состояния, комплексы, ожесточения и т. д.

Профессор питал надежды, связанные со священниками-психологами, — надежды на плодотворное сотрудничество с ними ради большей пользы верующих. Однако в итоге, как он говорил, делясь своей печалью, он испытал разочарование. То, что он читал из их работ и что слышал от приходивших к нему людей с душевными травмами, убедило его, что большинство таких священников, к сожалению, не смогли подчинить психоаналитика в себе своему пастырскому служению.

Он осознавал относительную ценность психологической науки, при том что сам был ученым. Более того, он хорошо представлял себе пределы применения психологических и психоаналитических принципов и методов в православном церковном пастырском служении. Исходя из этого, имея ясную христианскую веру и соответствующее ей житие, а вместе с этим и глубокие познания в психологии, он всё это корректно применял, при необходимости консультируя православных людей по духовным вопросам, никогда не причиняя вреда, заботясь о пользе (вернее, о спасении) человека, не приводя никого в замешательство, не принося дополнительных психологических проблем, которые могли бы сказаться на жизни христиан по Евангелию.

Иоанн Корнаракис употреблял научные достижения психологии трезво и самобытно, погружаясь не только в духовные, но и в психологические глубины святоотеческого аскетического опыта с потрясающей пронизательностью и доскональностью. Так он стал (по крайней мере, в Православной Церкви) первооткрывателем *аскетической психологии* (так называется и одна из его книг).

Однако мы считаем, что экзистенциальная и христианская духовная глубина мысли Иоанна Корнаракиса должна объясняться не столько его научными достижениями, сколько добросовестным осуществлением евангельской христианской истины в своей жизни.

Выдающийся университетский преподаватель, Иоанн Корнаракис был не только глубоким мыслителем-богословом и увлекательным лектором и писателем,

знакомившим с православной аскетикой, но и усердным христианином, подвижником в личной жизни. Это видно (согласно евангельским словам «дерево познается по плодам») и по его благословенной семье. Бог удостоил его увидеть, как один его сын стал священником Божиим, одна дочь — монахиней, еще один сын — профессором и его преемником на богословском факультете Афинского университета и еще одна дочь — преподавателем Закона Божия в школе. Он всегда прославлял и благодарил Бога за такое Его благословение.

Все его дети и внуки очень любили и уважали его не только как своего отца и деда, но и как учителя, духовного наставника и надежную опору в своей христианской жизни. Жизнь рядом с ним была постоянным практическим обучением христианской православной духовности, чему способствовала и абсолютная ясность мысли, которую он сохранил до самой кончины.

Его родные и все, кто с ним общался, видели, как уже вышедший на пенсию профессор продолжал непрестанно духовно возрастать. Жизнь его в последние годы сильно изменилась. Его духовный путь постоянно шел вверх. Он был всегда погружен в размышления. Пища его была очень умеренной, милостыня — обильной и тайной, богословская мысль — высокой, исповеднической, славословящей и благодарящей Бога. Размышления о Святой Троице были для него благоговейным наслаждением. Даже в самые последние дни, накануне своего преставления, когда он

был прикован к постели, было слышно, как он говорит о Святом Духе, о «Его первенстве», имея в виду, по толкованию его сына Константина, освятительное и спасительное дело Утешителя в мире после Пятидесятницы.

Теперь были ясно видны деликатность и строгость его христианской боголюбивой совести. Он заботился о каждой мелочи в своей духовной жизни. Часто он повторял аскетическое изречение: «Мелочь — это не мелочь» (преподобный Нил)¹.

Прежде чем взяться за какое-нибудь дело (работу над книгой или лекцией), он, как сам нам говорил, мучился вопросом: «Хочет ли этого Бог?». Он молился об этом, переживал.

За два года до своего честного успения достигший духовной зрелости профессор писал: «Сердце обретает умную молитву вместе с очищением души от страстей. Только очищенный от страстей ум может таинственно священнодействовать литургию этой молитвы как всецелое приношение души Богу»².

С большой богословской заинтересованностью он относился к своему участию в таинствах нашей Церкви, особенно — в таинстве Божественного Причащения. Однажды, растрогавшись, он сказал

¹ Это изречение «οὐ μικρὸν τὸ παρά μικρὸν» употребляли многие святые отцы (свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский, свт. Григорий Палама). Здесь автор ссылается на прп. Нила Синайского (Послания. Кн. 2, послание 288 (в русском издании — 276). Комиту Востока Елевферию). Ср. русский перевод: *Преподобный Нил Синайский*. Слово Подвижническое. Письма. М., 2000. С. 287.

² См. настоящее издание, с. 120.

нам, что когда слышит: «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем», то приходит в сокрушение и думает: «Христе мой, как мне постичь Твои слова, как мне их исполнить?» В это время он написал книгу «Тело и Кровь Христовы».

За несколько дней до его преставления мы получили от него посылку с пасхальными поздравлениями и его последней книгой «Мученичество, ключ от Царства Небесного». Так он позаботился оставить «руководство по обучению мученичеству», ибо, как говорил, христианам не стоит ожидать безболезненной жизни в этом веке. Конечно, жизнь для христиан никогда не была безболезненной, но в наше «новое» время она тем более приобретает мученический характер. В этой книге, которую он писал, испытывая сильные боли из-за перенесенной травмы, видна его абсолютная уверенность в том, чему нас учил: без самоотречения никто не может пережить реальность Креста. И путь в Царство Небесное — это великий подвиг трезвения, непрестанного душевного бодрствования и подлинного осуществления в жизни христианской евангельской Истины.

Итак, «Мученичество» — это последняя книга, подарок со смыслом своим братьям-христианам от благочестивого учителя перед уходом из мира. Из этой книги видно, что и сам он, глубокий мыслитель, в своей строгой христианской жизни был «путником на тесном и скорбном пути мученичества ко спасению во Христе Иисусе»¹.

¹ *Κορναράκης Γ.* Το μάρτύριο, κλειδί της Βασιλείας τῶν Οὐρανῶν. Αθήνα, 2013. Σ. 9

Но прежде чем закончить эти скудные воспоминания, этот наш долг благодарности дорогому учителю, необходимо упомянуть об одной характерной стороне деятельности этого истинного православного христианина.

Его очень огорчали и возмущали попытки искажения православной веры, которые вместе с пренебрежением к христианской нравственности очень часто наблюдаются в наши дни. Сам будучи чистым, безупречным и отважным, он никоим образом не хотел участвовать, практически или теоретически, в этих вещах. Большое впечатление на нас произвел случай, о котором он нам рассказал. Однажды его позвали куда-то (он не сказал куда) прочитать лекцию о православной духовности. Однако в том месте оказалось нечто неподобающее и противное его чуткой христианской совести. Поэтому, когда его позвали туда снова, то, несмотря на всё оказанное ему почтение, он отказался, прямо сказав приглашавшим: «Я не могу снова прийти, ибо...» И тут он назвал то, что его так задело.

В последние годы мы видели, как учитель аскетической психологии открыто и решительно вставал на защиту православной веры и делался бесстрашным ее исповедником. В том, что касалось веры, он был бескомпромиссным и категоричным, не взирая на лица. Подобно студитам, он в своих работах выступал критиком участвовавших экуменических выходов и уклонений в ересь представителей православного богословия.

Например, о так называемом «постпатристическом» богословии он прямо писал, что такое богословие — это измена Святому Духу. А свою глубокую критику «экуменического диалога» он изложил на посвященной экуменизму богословской конференции в Фессалоникийском университете (2004 г.), выступив с докладом «О психологии экуменической открытости»¹. Этот доклад с сокрушительной силой бьет по экуменизму. Анализируя внутренний механизм экуменических переговоров, он, в частности, констатировал, что их дух «соответствует идеологии глобализации», а история экуменизма убеждает в «отсутствии личного свидетельства и веры в богооткровенные истины Церкви у участвующих в экуменическом диалоге представителей Православия. Это их участие зачастую имеет чисто личный характер: они ведут диалог с инославными так, словно торгуются о том, во что сами верят или не верят. Они не обосновывают истины своей Церкви, но защищают свои личные взгляды на эти истины, рассматривают этот диалог как свое личное индивидуальное дело»².

На эти темы он писал полемические статьи, например: «Богословский диалог православных и латинян — театр абсурда», «Миф о православном свидетельстве на собеседованиях с инославными», «Антихалкидониты: еретики и одновременно

¹ Οἰκουµενισµός. Γένεση — Προσδοκίες — Διαψεύσεις. Τόμος Α΄. Θεσσαλονίκη, 2008. Σ. 467–484.

² Там же. С. 469.

православные», «Влияние идеологии Нью Эйдж на богословие Церкви и богословие “литургического возрождения”» и многие другие.

Его православная богословская полемическая активность не была мотивирована пристрастиями, мелочностью или сведением личных счетов. Он признавался нам, что, перед тем как писать на эти темы, защищая чистоту нашей веры, он много размышлял и принимал решение писать или нет только после усердной молитвы. Он объясняет причину своей исповеднической борьбы, глубоко прочувствовав и с кристальной четкостью сформулировав то, чем должны быть проникнуты совесть и жизнь каждого истинного христианина (мирянина, священника или епископа): «Основная проблема нашего существования — в какой степени истинствует наша жизнь во Христе Иисусе. Христос, Сам будучи непререкаемой Истиной, обязывает нас, если мы хотим *идти за Ним*, истинствовать во всем».

Следовательно, именно это правило и было причиной, по которой профессор бескомпромиссно отвергал всяческие дипломатические маневры и уступки в вопросах веры, как бы это ни раздражало некоторых высокопоставленных лиц. Он заявлял, ко всеобщему удивлению, что «не может поступать иначе на закате своей жизни, когда с каждым часом для него приближается суд Божий». (Всеблагий Боже, молим Тя, даруй такое разумение и всем нашим церковным начальникам!)

Действительно, час его исхода приближался, час, к которому он готовился всю свою жизнь и всей своей жизнью. На Божественной Литургии, когда он слышал

«и добраго ответа на Страшном Судище Христове просим», глубоко чувствуя эти слова, он осенял себя крестным знамением.

В восемьдесят семь лет он хорошо себя чувствовал и всё еще работал над своими сочинениями. Но, внезапно заболев, был вынужден лечь в больницу. Его родные не ожидали, что он может умереть. Но сам он к этому готовился. Воздев руки, он им сказал: «Что совершилось, то совершилось». А за день до исхода сказал своей супруге: «Я ухожу», и затем: «Завтра придет Мария». Прикованный к постели, с кислородной маской, он находился уже не здесь. Смотрел вверх, что-то говорил, с кем-то беседовал. Он видел свою любимую старицу Тарсо и других усопших. В какой-то момент очень обрадовался — тому, что увидел, — и попытался захлопать своими истощенными руками. В последний раз причастился из рук своего сына, отца Александра. И на следующий день отошел. Так благочестивый, истинный, праведный, безупречный, отважный, искренний, глубокий и цельный профессор-исповедник перешел в вечность. Последовало отпевание, на котором была ощутима атмосфера таинства, о чем рассказали бывшие там. Погребение совершилось в одном из монастырей в окрестностях Афин.

Мы горячо благодарим его за все, что он сделал для нас. Особо трогательными для нас всегда будут воспоминания о двух наших встречах. Первая — в коридорах богословского факультета, когда он встретил меня, уже монаха, впервые после моего окончания

учебы. Серьезный, всегда сдержанный профессор обнял меня с большой любовью и с неприкрытой радостью по-отечески расцеловал. И последняя встреча с учителем — в его доме в Афинах, года за полтора до его преставления. Желая выразить свое почтение к монашескому чину, он спустился со мной и проводил меня до самой калитки. Тогда я наклонился — быстро, чтобы он не успел воспрепятствовать, — и поцеловал его руку. А он, растрогавшись, сказал: «Что вы делаете? Мне?»»

Всегда буду вспоминать и наш последний разговор по телефону незадолго до его успения. Обсудив со мной некоторые духовные вопросы, он сказал: «Истина — это величайшая евангельская добродетель. Слово “истина” только в Новом Завете встречается сто двадцать раз. И истина требует от нас рассекать, она не допускает компромиссов с ложью, полумерам здесь нет места. Христос говорит: “Познайте истину, и истина сделает вас свободными”¹».

Это был последний урок, который нам дал принопамятный профессор Иоанн Корнаракис.

Да будет вечной его память. Мы всегда будем помнить его и будем поминать его в наших молитвах как учителя и духовного отца. Да поминает и он нас, своих недостойных учеников, которые еще должны сдать много экзаменов в школе нынешней жизни, прежде чем встретиться с ним снова.

Скит Святой Анны, Афон

¹ Ср.: Ин. 8, 32.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие переводчика	6
Предисловие	9
Введение.....	13
I. Истоки фантастического самообожествле- ния человека.....	15
1. Адамова болезнь фантастического само- обожествления.....	15
2. Авель — жертва созданного Каином фан- тастического образа самого себя	20
3. Вавилонская башня как попытка ветхоза- ветного человека возвысить себя в своей фантазии	22
4. Навуходоносор и его золотой образ	24
II. Фантастический образ человека-христиа- нина как идеализированный образ.....	28
<i>Часть первая. Упоминания в Евангелии и у святых отцов о фантастической духовной жизни.....</i>	<i>31</i>
<i>Глава первая. Евангельские упоминания о фантастической духовной жизни</i>	<i>33</i>
1. Делатели беззакония.....	33
2. Фантастический любитель вечной жизни	38

3. Фантастический христианин, обманывающий сам себя.....	42
4. Фантастический образ, созданный фарисеем	46
<i>Глава вторая. Святоотеческие упоминания о фантастической духовной жизни</i>	
1. Надменность плюс почет — прямая дорога в фантазию.....	49
2. Фантастическая добродетель.....	55
<i>Часть вторая. Факторы, формирующие фантастическую веру.....</i>	
<i>Глава первая. Метаморфозы смысла веры в жизни людей.....</i>	
1. Субъективное понимание духовной жизни	65
2. Формирование обрядоверия.....	70
<i>Глава вторая. Экстравертная установка в жизни</i>	
1. Фантастический христианин между Церковью и миром.....	74
2. Беспечальная духовная жизнь как принцип	81
<i>Часть третья. Святоотеческий человек — эталон жизни по Евангелию</i>	
<i>Глава первая. Евангельское происхождение самосознания святоотеческого человека.....</i>	
1. Христос — центр жизни святоотеческого человека	87
2. Нищета духом — исходное условие святости	93

<i>Глава вторая.</i> Благодатность и Божественность святоотеческой добродетели.....	96
1. Вечность святоотеческой добродетели.....	96
2. От тщеславия к нетщеславной добродетели	99
<i>Часть четвертая.</i> Святоотеческий человек: от победы над грехом к новому творению.....	103
<i>Глава первая.</i> Победа святоотеческого человека над грехом.....	105
1. Смерть греха в Крещении.....	105
2. Святоотеческий человек умерщвляет грех	107
<i>Глава вторая.</i> Обновление святоотеческого человека во Христе.....	116
1. Смерть греха в Крещении — сила для воскресения.....	116
2. Постоянное живое присутствие святоотеческого человека в жизни Церкви.....	123
3. Постпатристическое богословие — измена Святому Духу.....	124
Вместо послесловия.....	127
<i>Приложение.</i> Краткая сравнительная таблица черт фантастического христианина и святоотеческого человека.....	129
<i>Иеромонах Азария.</i> Иоанн Корнаракис, учивший о святоотеческом человеке.....	135

Иоанн Корнаракис
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ХРИСТИАНИН
В СРАВНЕНИИ
СО СВЯТООТЕЧЕСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ**

Формат 84 x 108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.